



**К 100-летию**

# **ИЗ ИСТОРИИ ГЛАЗОВСКОЙ УЧИТЕЛЬСКОЙ СЕМИНАРИИ**

**ГЛАЗОВ  
2016**

Составитель: **Поздеев Г.А.**

Из истории Глазовской учительской семинарии. – Глазов: Глазов. Гос. Пед. ин-т, 2016. – с.

Редактор - Геннадий Антонович Поздеев.

Техническая редакция, компьютерная верстка, оригинал-макет – Е.В. Лихачева.

Фотоматериалы из фондов учебно-методического центра истории института  
и педагогического образования г. Глазова.

Книга издана при финансовой поддержке Глазовского государственного  
педагогического института имени В.Г. Короленко.

Книга предназначена для преподавателей и студентов института,  
учащихся школ, для всех тех, кто интересуется историей народного образования.

## К ЧИТАТЕЛЮ

Система среднего педагогического образования в России зародилась к середине 19 века, а основным ее типом стали семинарии.

Разработкой проекта учительских семинарий занимался К.Д. Ушинский. В 1861 году в журнале Министерства народного просвещения была опубликована статья «Проект учительских семинарий», в котором Ушинский обосновывал необходимость открытия учительских семинарий в России. По его мнению, основной задачей семинарии должна была стать подготовка учителей для народных училищ, сами семинарии - учебными заведениями закрытого типа, знания воспитанников ориентированы на практику.

Согласно проекту К.Д. Ушинского «в учительской семинарии по всем предметам ее учительского курса должно быть преподавано только самое необходимое для того, чтобы ее воспитанники могли быть впоследствии, с одной стороны, хорошими сельскими учителями, а с другой – передовыми людьми в сфере просвещения. Они должны знать не много, но твердо. Осмысленная грамотность, любовь к труду, сознание важности своего долга и сверх того искреннее, сознательное благочестие и благонравие – вот что для него необходимо».

На основе проекта, одобренного Министерством народного просвещения, были разработаны инструкции и правила для учительских семинарий. В Инструкции для учительских семинарий Министерства народного просвещения от 1875 года также определялась основная задача семинарии: «Учительские семинарии имеют целью доставить педагогическое образование молодым людям всех сословий православного вероисповедания, желающим посвятить себя учительской деятельности в начальных классах».

Все учительские семинарии делились на три категории:

- правительственные, которые содержались на средства казны и других источников;
- правительственные для инородцев;
- земские и частные.

Особенно широкое развитие учительские семинарии получили в начале 20 века. В сентябре 1913 года Государственной Думой было принято решение об открытии в честь 300-летия дома Романовых 93 учительских семинарий, а Министерством народного просвещения планировалось введение всеобщего начального образования.

До открытия учительской семинарии в Глазове уже была система педагогических учебных заведений – церковно-приходское училище, женская и мужская гимназии. Учительская семинария, открытая в Глазове в 1915 году по решению земского губернского собрания, была одной из первых на территории современной Удмуртской Республики.

Несмотря на то, что семинария просуществовала в течение сравнительно небольшого периода времени (1915-1919 гг.), ею был накоплен ценный опыт организации образовательного процесса, который базировался на духовных и нравственных ценностях общества.

### **ЗДАНИЕ УЧИТЕЛЬСКОЙ СЕМИНАРИИ.**

*Снимок нач. XX в.  
Вятская губерния, г. Глазов,  
ул. Александровская  
(ныне – Луначарского).*



Без анализа, глубокого изучения истории педагогического образования невозможно выявить наиболее значимые вопросы истории и самого народного образования, а использование положительного опыта обогащает педагогическую науку, способствует развитию современного образования в целом.

Донести опыт работы Глазовской учительской семинарии до тех, кто сегодня занимается профессиональной подготовкой учителей, кто интересуется историей образования – вот та главная цель, которую перед собой ставили авторы книги.

Книга достаточно хорошо обеспечена разноплановыми конкретно-историческими материалами. В ней широко использованы исторические документы, приведены материалы личного происхождения, представлены сведения о некоторых воспитанниках семинарии, использован ряд материалов из периодических источников. В них содержатся рассказы о различных событиях в стране, уезде на фоне автобиографий о жизни учащихся и наставников семинарии.

Совокупность источников позволяет понять не только историю, но и место семинарии в подготовке учителей в уезде.

По мнению авторов, материалы книги могут быть использованы при проведении занятий и разработке лекций, учебных пособий по истории педагогики и образования в Удмуртии.

**Источники:**

1. Ушинский К.Д. Проект Учительской семинарии: Собрание сочинений. - М., 1974.
2. Щербакова Е.В. Деятельность Н.И. Ильминского по организации учительских семинарий. – [Электронный ресурс] – Режим доступа – URL: <http://sibac.info>.

## ГЛАЗОВСКАЯ УЧИТЕЛЬСКАЯ СЕМИНАРИЯ: ТРУДНЫЕ ГОДЫ СТАНОВЛЕНИЯ

### Принципы создания учительской семинарии

Российская система образования, будь то светская или церковная, на различных этапах исторического развития становилась активным субъектом реформирования. Учителя в этом процессе играли главную роль и выполняли ведущие функции. Между тем, профессиональной подготовке педагога долгое время не уделялось должного внимания. В обществе доминировало мнение о том, что учителем может стать всякий человек, умеющий читать и писать.

Прогрессивную роль в подготовке народных учителей играло вятское земство. Благодаря его усилиям в 1892 г. открылось Вятское земское училище для распространения сельскохозяйственных и технических знаний и подготовки учителей для начальной школы. Однако для крестьянской в основной массе жителей губернии, с числом населения, превышавшим 3 млн., одного профессионального учебного заведения было недостаточно. Общероссийские темпы модернизации школьной системы требовали ускорения и совершенствования всей системы подготовки учителей. В связи со значительным ростом сети начальных школ потребность в подготовленных учителях постоянно росла. В ответ на требования времени открывались новые профессиональные педагогические учебные заведения. Если на 1 января 1914 г. в России насчитывалось 128 учительских семинарий и школ, то к марту 1917 года их количество выросло до 192.

Именно учительским семинариям предстояло стать самой массовой формой педагогического образования в России, а бесплатное профессиональное образование в них сделало эти учебные заведения особенно привлекательными среди малоимущего населения и, в частности, крестьян. Учительская должность давала возможность выйти из податного сословия и освободиться от налогов, повысить свой социальный статус, получить освобождение от воинской повинности.

Внедрение в жизнь идей Д.К. Ушинского о подготовке народных учителей для сельских начальных школ России («Проект учительской семинарии, 1861») дало жизнь учительским семинариям и в Вятской губернии. Руководствуясь Положением Министерства народного просвещения о четырехклассных учительских семинариях (1902), комиссия по народному образованию при губернской управе активизировала создание средних специальных педагогических учебных заведений. Исходя из условий существования, источников содержания и порядка управления вятские семинарии (Глазовская, Елабужская, Кукарская, Сарапульская) относились к двум категориям. К первой категории были отнесены правительственные учительские семинарии, «содержимые не только на средства казны, но и на другие источники». К этой категории относилась семинария, открытая в 1903 г. в слободе Кукарке Яранского уезда (ныне – город Советск Кировской области). При всесословном и многонациональном составе студентов предпочтение здесь отдавалось сельским детям. В 1914 г. из 143 воспитанников 136 были выходцами из крестьянских семей. Примерно 10 процентов из них были представителями нерусского населения окрестных уездов Вятской губернии. В Кукарской семинарии в 1912 – 1916 гг. учился выдающийся деятель удмуртской науки, культуры и крупный общественно-политический деятель Кузьма Павлович Чайников (К. Герд). Профессиональную деятельность он начал с учительской работы в удмуртской Большеучинской двухклассной начальной школе Елабужского уезда. Эту же семинарию закончил, русский крестьянский сын Федор Братухин, впоследствии – Федор Абрамович Братухин, 17 лет прослуживший в Глазовском учительском (затем – педагогическом) институте заместителем директора по учебной и научной работе, а затем заведующим кафедрой педагогики и психологии.

Актуальной и жизненно необходимой для полиэтничной Вятской губернии являлась подготовка учителей для нерусских школ. Например, материалы однодневной переписи начальных школ России 1913 года свидетельствуют, что 18 процентов учащихся губернии были представителями нерусского населения (удмурты, татары, марийцы, бесермяне, коми-пермяки, чуваша). Таким же многонациональным был Глазовский уезд, на территории которого с населением почти 400 тыс. человек и преобладанием сельских жителей насчитывалось 120 начальных училищ, из них 11 русских, 84 смешанных и 25 инородческих (т.е. удмуртских, татарских, бесермянских, коми-пермяцких). Вот почему губернское земство признало целесообразным открыть 4-летнюю Глазовскую мужскую учительскую семинарию второй категории – «правительственные учительские школы для инородцев». Это открывало возможность оказывать приоритетное внимание подготовке учителей для удмуртских

сельских начальных школ. Закономерно, что большинство первых абитуриентов (36 выпускников 18-ти школ) были жителями Глазовского уезда. Национальный и социальный состав учащихся в семинарии соответствовал процентной представленности народов. Так, по статистическим данным на 1 января 1918 г., в трех классах насчитывалось 55 воспитанников (52 крестьянских и 3 детей мещан). Среди них преобладали русские – 30 чел., удмуртов было 25 чел. Вот названия школ, откуда прибыли первые семинаристы:

Глазовский уезд:

- Глазовское высшее начальное училище
- Зуринское 2-х классное училище
- Косинское 2-х классное училище
- Омутнинское 2-х классное училище
- Песковское 2-х классное училище
- Святогорское 2-х классное училище
- Унинское 2-х классное училище
- Ухтымское 2-х классное училище
- Юкаменское высшее начальное училище
- Ягошурское 2-х классное училище

Малмыжский уезд:

- Старо-Зятцинское высшее начальное училище
- Александровское 2-х классное училище
- Старо-Чекалдинское 2-х классном училище
- Карлыганское центральное вотское училище

Елабужский уезд:

- Елабужская учительская школа в 2-х классах
- Быстряковское 2-х классное училище
- 2-х классное железнодорожное училище на станции Вознесенской (Пермской губ.)
- 2-х классное железнодорожное училище на станции Верещагино (Пермской губ.)<sup>1</sup>

1 сентября 1916 года при семинарии было открыто начальное училище (по-другому – образцовая школа) в составе первого отделения первого класса и первого отделения второго класса. Школа стала своеобразными подготовительными курсами для поступления в семинарию ребят, получивших начальное образование и не освоивших программу среднего образования. Старшекурсники семинаристы в школе вели практические занятия, приобретали профессиональные навыки и оттачивали свое педагогическое мастерство. В 1918 г. в училище насчитывалось 29 учеников, из них – 28 русских ребят и 1 удмурт в возрасте от 8 до 14 лет. В социальном отношении 21 человек были крестьянского происхождения, 5 мещан и 3 – дети потомственных почетных граждан г. Глазова.

Учебный план семинарии в целом соответствовал программам семинарий министерства народного просвещения и полностью обеспечивал среднее образование (см. Таблицу 1).

Таблица 1.

*Учебный план Глазовской учительской семинарии. 1917-1918 уч. г.*

Предметы	Количество часов по классам, в неделю				
	I	II	III	IV	всего
Закон Божий	4	3	2	2	11
Педагогика	–	2	3	2	7
Русский язык	5	5	4	4	18
Арифметика (методика)	–	–	1	1	2
Алгебра	2	2	2	2	8
Геометрия	2	2	2	–	6
Тригонометрия	–	–	1	2	3
История и закон	3	3	3	3	12
География и космонавтика	–	2	2	2	6
Естествознание	3	3	3	2	11
Физика	2	2	2	–	6

<sup>1</sup> Станция Вознесенское на Пермь-Котласском участке Транссибирской железной дороги. С 18 апреля 1916 года переименована в Верещагино в честь художника В.В. Верещагина.

Гигиена	–	–	1	1	2
Рисование	2	2	2	1	7
Черчение	–	–	–	1	1
Бытие	3	2	2	1	8
Практические уроки	–	–	–	6	6
Разбор пробных уроков	–	–	–	2 раза	–
Итого:	26	28	30	30	116
Занятия в послеобеденное время:					
Ручной труд	3	3	2	–	8
Музыка	1	1	2	2	6
Физические упражнения, игры	2	2	1	1	6
Всего:	32	34	35	33	136

Итак, в учебном плане значилось 17 наименований предметов, по которым ребята обучались в первой половине дня, и три вида занятий по второй половине. Наибольшее количество часов (от 18 до 11 часов в неделю на протяжении всех четырех лет обучения) отводилось изучению русского языка, истории и права («история и закон»), естествознания и закона Божия. Общий объем занятий в неделю по курсам составлял от 32 до 35 часов. Предпочтение отдавалось теоретическим предметам. В то же время, теоретические курсы не ограничивались лишь общеобразовательными предметами. Вводились такие предметы как «гигиена, бытие» и др., главной целью которых было приучить элементарным санитарно-гигиеническим правилам, сформировать из крестьянских детей «благовоспитанных людей, приучить к опрятности постели, платья». На старших курсах особое внимание уделялось профессиональным предметам, способствовавшим приобретению педагогических знаний, умений, навыков (используя современную лексику – формировали профессиональные компетенции). Например, предмет «арифметика (методика)», преподаваемый на старших курсах, ставил задачу дать навыки первоначального обучения арифметике в начальной школе. С условиями будущей работы – начальной школой, семинаристов начинали знакомить со второго года обучения. Теоретические знания школьной педагогики и психологии, очевидно, давала дисциплина «педагогика». Методике преподавания обучали 6 часов в неделю на выпускном, четвертом курсе. Практиканты готовили и проводили уроки с ученикам и образцовой школы перед своими однокурсниками, учителем-предметником и учителем образцовой школы, а сам урок подвергался тщательному педагогическому и методическому разбору в присутствии председателя педагогического совета (директора семинарии).

Победа Февральской и Октябрьской революций 1917 г. принесли новые перемены в реформировании народного образования, а учительские семинарии стали основой для создания советской школы педагогических кадров. В 1919-1920 уч. г. Глазовская семинария начала новую жизнь. В соответствии с постановлением Наркомпроса РСФСР и коллегии Вятского губернского отдела народного образования (ГубОНО) она была преобразована в трехгодичные педагогические курсы для подготовки школьных работников единой трудовой школы 1-й ступени (для системы начального образования). При этом национальная специфика в них сохранилась, – было создано отделение для подготовки школьных работников в удмуртских школах. Все имущество семинарии перешло педагогическим курсам. Руководство курсами возлагалось на Совет, который был сформирован из бывших преподавателей учительской семинарии: С. Кутепова, А. Петрова, Н. Хорошавина, Н. Паморова, а также учительницы А. Троицкой, инструктора по народному образованию при Глазовском отделе народного образования Н. Першина, преподавателя Пудемской школы Пивоварова, агронома Селенкина. Начался новый этап в жизни педагогического учебного заведения г. Глазова.

### **Состав воспитанников семинарии и учебная деятельность**

В учительскую семинарию принимались юноши разных национальностей, православного вероисповедания, не моложе 16 лет, выдержавшие вступительные испытания в объеме двухклассных начальных училищ. К заявлению требовалось приложить несколько свидетельств: о рождении, об образовании и о привитии оспы. Расписание приемных экзаменов для поступления в 1 класс семинарии публиковалось в губернской печати (в основном в газете «Вятские губернские ведомости»). К примеру, в августе 1917 г. экзамены планировались так:

- 21 августа. Письменные испытания по русскому языку.
- 22 августа. Письменные испытания по арифметике.
- 23 августа. Закон Божий и пение.

24 августа. Устные испытания по русскому и церковно-славянскому языкам.  
25 августа. Устные испытания по арифметике и геометрии.  
26 августа. История и география.  
28 августа. Естествознание.  
31 августа. Переводные испытания (перезкзаменовка).  
1-го сентября молебен.  
2-го сентября начало учебных занятий.

4 сентября 1915 года первыми воспитанниками учительской семинарии стали 17 крестьянских подростков, большинство которых были уроженцами Глазовского уезда. Отсутствие документов лишает возможности составить их полный список, тем не менее, удалось восстановить имена некоторых из Глазовского уезда:

1. Ившин Даниил (1897 г.р.), удмурт, житель починка Песекчум.
2. Лекомцев Николай (1899 г.р.), удмурт, житель дер. Ягошур Ягошурской волости.
3. Лекомцев Конон (1900 г.р.), удмурт, житель дер. Ягошур Ягошурской волости.
4. Ляпунов Павел (1899 г.р.), русский, житель Песковского завода.
5. Максимов Василий (1899 г.р.), удмурт, житель дер. Адамская Понинской волости.
6. Опарин Николай (1899 г.р.), удмурт, житель дер. Лесагурт.
7. Попов Владимир (1900 г.р.), русский, житель Залазнинского завода.
8. Попов Николай (1898 г.р.), русский, житель Залазнинского завода.
9. Пономарев Александр (1900 г.р.), удмурт, житель дер. Озегвайская.
10. Чирков Николай (1900 г.р.), удмурт, житель починка Верх-Чужекшурский Кестымской волости.
11. Свечников Василий (1899 г.р.), русский, мещанин г. Глазова.
12. Моргунов Александр (1899 г.р.), русский, житель Главно-Холуницкой волости Слободского уезда.
13. Халевин Аркадий (1899 г.р.), русский, житель дер. Пикши Малмыжского уезда.

Во второй класс было переведено 12 учеников, на второй год (повторительный) оставлены двое, а трое по разным обстоятельствам выбыли до окончания учебы.

Во второй год жизни семинарии (1916-1917 уч. г.) набор увеличился и новыми семинаристами стали 21 человек (см. Список).

*Список первокурсников Глазовской мужской учительской семинарии в 1916-1917 уч. г.*

1. Брызгалов Терентий
2. Воронцов Георгий
2. Ворончихин Семён
3. Главатских Михаил
4. Горбушин Дмитрий
5. Калинин Иван
6. Ивонинский Александр
7. Корепанов Александр
8. Данилов Афанасий
9. Коробейников Алексей
10. Красноперов Гаврила
11. Кравцов Степан
12. Ларионов Александр
13. Ложкин Николай
14. Любов Иван
15. Савиных Николай
16. Сунцов Михаил
17. Шанько Василий
18. Шиляев Михаил
19. Шулаков Иван
20. Широков Николай
21. Черемискин Павел



В ходе приемной кампании 1917-1918 уч. г. абитуриентов предупреждали о строгих правилах поступления, о большом конкурсе и о том, что не все учащиеся получают стипендию, да и в первом классе стипендии получают лишь особо отличающихся в учебе и не более 13-14 человек. Педсовет указывал, что «общежития при семинарии нет, воспитанники в минувшем 1916-1917 уч. г. жили на частных квартирах с платой от 3 до 5 рублей в месяц». Также отмечалось, что при семинарии работает общественная столовая, где за 7– 8 руб. в месяц можно брать обеды из 2-х блюд. Однако жизнь в неизвестном, чужом городе вдали от родителей, бытовая неустроенность и финансовые проблемы не испугали абитуриентов. Заявления о приеме подали 52 человек, 40 после проверки здоровья были допущены к экзаменам, но лишь 19 стали учащимися-стипендиатами (13 русских, 7 удмуртов) (см. Список).

*Список первокурсников Глазовской мужской учительской семинарии в 1917-1918 уч. г.*

1. Косяков Павел
2. Попов Иван
3. Зуев Петр
4. Халевин Владимир
5. Главатских Николай
6. Корепанов Александр
7. Мусихин Иван
8. Шиляев Петр
9. Микрюков Василий
10. Главатских Михаил
11. Воронцов Алексей
12. Пыхтеев Тихон
13. Кротов Николай
14. Перевозчиков Сергей
15. Мосов Петр
16. Шутов Петр
17. Савельев Иван
18. Князев Иван
19. Ситников Василий

Чем был вызван недобор учащихся? Кроме социально-политических потрясений Февральской революции, негативно повлиявших на настроения деревенских ребят и не желавших покинуть родной дом, следует назвать постановление Государственного комитета по народному образованию «Об изменении положения и штатов учительских семинарий». Согласно этому постановлению, повысился статус семинарии (среднее профессиональное учебное заведение), соответственно увеличился срок обучения (5 лет) и изменились условия приема. К претендентам для поступления в первый класс требовались познания не ниже высшего начального училища. Абитуриентов подвергли письменным и устным испытаниям по русскому и церковно-славянскому языкам, арифметике и геометрии, истории, географии и естествознанию, от них также требовалось продемонстрировать знания по закону Божию и пению. Эти требования оказались непреодолимыми для подавляющего большинства крестьянских детей Глазовского уезда. Лишь шестеро окончили высшее училище, остальные прошли курсы в указанном учебном заведении или были выпускниками 2-классного начального училища. В связи с новыми правилами приема директор семинарии обратился за объяснениями в Казанский учебный округ, который разрешил педагогическим советам на местах допустить всех желающих к вступительным экзаменам в объеме программ 2-х классов начального училища. Циркуляр разрешил также «сократить срок введения новых программ», окончить курс обучения в старших классах по старой программе, а программу среднего учебного заведения «пройти с некоторыми сокращениями» за четыре учебных года.

Каждый семинарист подписывал стандартный договор-обещание, что обязуется «за пользование казенной стипендией во время воспитания в Глазовской учительской семинарии, по окончании курса семинарии, прослужить в должности народного учителя не менее четырех лет, по назначению начальства». Выпускник, возвративший полностью сумму стипендий, потраченных на него, имел право свободного распределения и выбора места работы. Стипендиальный фонд семинарии, формируемый из бюджета Министерства народного просвещения, был невелик. К примеру, в 1916-1917 уч.г. он составил

10800 руб., и стипендию получали 32 ученика. В среднем же размер стипендия равнялся 150-180 руб. в год в зависимости от успеваемости.

Воспитанники жили на частных квартирах под неусыпным контролем педагогического совета, который назначал штат наставников из учителей. Ученикам не рекомендовалось переселяться без ведома наставников. Они подыскивали соответствующие квартиры с наведением справок о хозяевах, контролировали соблюдение жилищных условий, помогали в формировании навыков коллективного быта: следили за порядком в спальнях, за чистотой и надлежащей вентиляцией помещений, наставляли в соблюдении внешнего вида учеников, выполнении ими гигиенических правил. «Квартирная» жизнь семинаристов проходила однообразно: примерно до 3–4 часов пополудни они занимались в семинарии, затем возвращались домой, отдыхали, занимались бытовыми делами, ужинали. После 18 часов им не рекомендовалось появляться в общественных местах города, полагалось находиться дома и готовить уроки. Семинаристы проживали в квартирах группами. Например, в 1918 г. лишь один ученик-глазовчанин жил дома, а 54 сельчанина расселились в 20 квартирах (одну квартиру снимали 7 человек, в трех квартирах жили по 5 человек, в двух – по 4 человека, в остальных – по 1-3). В руках наставников хранились деньги учащихся, – «артельный» фонд. В 1917 году каждому стипендиату («казеннокоштному ученику») в начале учебного года педсовет выдал 50 руб. для первоначального обзаведения, а оставшаяся сумма (100 руб.) была разделена по 25 руб. в месяц. «Своекоштный воспитанник» (по-современному: «внебюджетный ученик»), сам вносил требуемую сумму, если он изъявлял желание жить «артельно». Плата за квартиру обходилась от 6 до 9 руб. в месяц.

Стараясь сэкономить небольшую стипендию, ребята питались в столовой семинарии, открытой 27 ноября 1916 года на общественных началах. Обеды стоили 6-9 руб. в месяц. Заведовал столовой педсовет семинарии, а запись расходов и закупку продуктов производил законоучитель св. А. Татауров. Однако во второй половине 1917 года члены общества молодежи «Самопомощь» работу столовой взяли в свои руки и сами закупали продукты. Воспитанникам предоставляли «здоровые, питательные» обеды из двух, а в праздники из трех блюд: на первое – щи или суп с мясом, на второе – жареный картофель, жареные почки, студень, перловая или ячменная каши, морковные или рыбные пирожки. Здесь же можно было купить ржаной печеный хлеб для «домашнего чая и ужина». Учитывая названные обстоятельства, можно сказать, что сельским подросткам стипендии в 25 руб. вполне хватило бы на безбедное житье. Однако цены на продукты питания постоянно росли, например, один пуд<sup>2</sup> ржаной муки, стоивший в сентябре 1917 года 6 руб., в январе 1918 года стоил уже 20 руб. Соответственно выросла стоимость обедов с 13 руб. до 22 руб. В связи с общим подорожанием жизни педсовет семинарии однажды (увы, безрезультатно) обратился с прошением к попечителю Казанского учебного округа о выдаче единовременного пособия в 100 руб. 51 стипендиату.

Обязательным условием организации учительской семинарии «второй категории» являлось наличие общежития, чтобы исключить последствия неправильного питания, несоблюдения режима дня, «несвоевременного отхода ко сну» и, следовательно, нарушения общественной жизни и звания семинариста. Однако в Глазове общежития не было. Тем не менее, морально-нравственный климат на квартире контролировали учителя-наставники. Проведение свободного времени, выполнение уроков, прогулки, поведение учеников, их взаимоотношения между собой, и даже недоразумения, которые иногда возникали с квартирными хозяевами, - все улаживалось наставниками, имевшими строгую отчетность перед директором, который осуществлял главный надзор и нес ответственность за поведением и успехами воспитанников. В 1917-1918 уч. г. ученики 1-го класса были поручены Т.М. Матвееву и Н.В. Хорошавину, 2-го класса – Г.М. Боголюбову, а 3-го – А.П. Петрову. В воспоминаниях первых семинаристов (С. Ворончихин, В. Максимов, А. Халевин) их преподаватели предстают «людьми высокообразованными, демократических взглядов, увлеченными идеей служения народу на ниве просвещения». Осуществляя «ближайший надзор за духовным развитием, поведением и нуждами воспитанников, они проявляли такт и уважение».

Любой бытовой проступок ученика или проявление недисциплинированности и халатное отношение к учебе становились предметами педагогического разбирательства. Так, ученик первого набора К. Лекомцев был замечен в ослушании, недисциплинированности, выразившемся в пропуске уроков. Он искренне раскаялся и обещал исправиться. Сложнее обстояло с П. Ляпуновым, который из-за пропусков и опозданий на уроки за вторую четверть получил по русскому языку и истории неудовлетворительные отметки. Преподаватели характеризовали его как неаккуратного и ленивого ученика со слабыми способностями. Предупредили, что будет лишен стипендии, если не исправится.

---

<sup>2</sup> 1 пуд = 16,38 кг

Однако за третью четверть Ляпунову неудовлетворительные отметки были выставлены по русскому языку, естествознанию, истории и географии, а в четвертой четверти к отмеченным «неудам» добавились церковно-славянский язык и физика. Вероятно, он не справился с переэкзаменовкой, назначенной на август 1916 г., и был оставлен на второй год. Семинарист второго набора И. Шулаков также стал «головной болью» педагогического совета семинарии. Он за первую четверть получил три неудовлетворительные оценки (по арифметике, физике, истории). «Причина – малоумственность, малоразвитость и отсутствие интереса к учебному делу». Не лучше обстояли дела в следующих четвертях, поэтому он был «после осенних испытаний оставлен на второй год». В целом же, из отчета директора следует, что воспитанники учились прилежно и старательно, а поведение оценивалось как благопристойное. Лишь восемь учеников в единичных случаях нарушали учебную дисциплину: самовольно уехали домой на Масленицу, разговаривали на уроках Закона Божия, пропускали уроки по «недостаточно уважительной причине» и по болезни.

Режим учебного дня был довольно сложным и разнообразным. Помимо занятий в первой половине дня, в послеобеденное время (после двухчасового отдыха) дети занимались ручным трудом, физическими упражнениями и подвижными играми. А.Н. Петров знакомил учащихся с практикой садоводства и огородничества. Весной они все работали на земельном участке при доме Максимовича, готовили почву под посадку огородных и садовых растений. Названные дела, следуя идеям К.Д. Ушинского, имели педагогическую направленность, формировали привычку к простой, суровой и деятельной крестьянской жизни. Некоторые из учащихся занимались и необязательными предметами, например, музыкой и пением, а хор, организованный учителем пения М.А. Галавкиным, пел во время церковных богослужений в семинарии. Правда, в 1917-1918 уч. г. семинария испытывала затруднения в организации этих занятий как из-за «недостаточной вместительности помещений», отсутствия необходимых для этих занятий инструментов (например, музыкальных), так и «в связи с обстоятельствами военного времени» и «страшной дороговизны не только предметов искусства, но и вообще всего». В целом педагогические коллективы стремились подготовить своих подопечных к жизни сельского учителя, этому служили занятия ремеслом, садоводством, огородничеством. Одну из воспитательных задач педсовет семинарии видел в приучении семинаристов к «сообразному употреблению свободного времени в праздничные дни», т.е. предотвращения их «от склонности к грубым удовольствиям и постепенного образования в них склонности к удовольствиям благородным эстетического вкуса».

### **Педагогический состав семинарии**

Первый состав педагогического коллектива семинарии был невелик. В год основания семинарии насчитывалось 8 преподавателей. По положению Министерства народного просвещения на должность директора семинарии мог претендовать лишь выпускник высшего учебного заведения, православного вероисповедания. Можно предположить, что состоял он в VII классе табеля о рангах и был надворным советником. Директора избирал и назначал попечитель учебного округа (Казанский учебный округ). Директор был непосредственным начальником семинарии и образцовой школы. Ему подчинялись все служащие в обоих заведениях. Как главный педагогический деятель семинарии, директор служил примером для других. Он «своим влиянием устанавливал единообразие и согласие в педагогической деятельности всех остальных служащих при семинарии лиц». Управлять семинарией помогал педагогический совет, состоящий из преподавателей, кандидатуры которых директор подбирал сам и представлял на утверждение попечителя учебного округа. Учителя-наставники также должны были быть православными, преимущественно с высшим образованием.

Первым должностным директором в семинарии занял Сергей Михайлович Кутепов (1 июля 1915 г.), прибывший в Глазов с семьей. Очевидно, в семье была дочь-гимназистка. Из сопутствующих документов известно, что его предыдущее служебное место находилось в школьной системе Елабужского уезда. Директор активно взялся за устройство семинарии и участвовал в общественной жизни города. Он являлся председателем попечительного, затем – педагогического совета женской гимназии, членом таких же советов высшего начального училища, после революции выполнял обязанности заместителя председателя Глазовского уездного комитета по народному образованию. Вслед за директором, 18 июля, были утверждены наставники русского и церковно-славянского языков Тимофей Матвеевич Матвеев, математики – Николай Владимирович Хорошавин, истории и географии – Геннадий Михайлович Боголюбов, физики и естествоведения – Антон Петрович Петров. Исполняющим обязанности учителя пения и музыки стал Михаил Алексеевич Галавкин. 3 сентября по согласованию с епархиальным начальством прибыл, очевидно, из Елабужского уезда законоучитель св.

Виталий Алексеевич Татауров, (возможно, директор подбирал кадры из знакомых по прежнему месту службы людей). До марта 1916 года оставалась вакантной должность учителя по физическим упражнениям и играм. Затем на условиях исполняющего обязанности был принят Александр Ермолаевич Машковцев, делопроизводитель местного воинского управления. В рекомендации деловые и нравственные качества кандидата были отмечены как «вполне отвечающего требованиям, предъявляемым всякому преподавателю». Преподавал гигиену и следил за состоянием здоровья семинаристов земский врач г. Глазова Николай Андреевич Мартынов. Очевидно, особых проблем не возникало, ребята болели не часто, были закаленные, потому что «дети деревни лето проводят на открытом воздухе, участвуют в полевых работах».

Все преподаватели, за исключением Кутепова, Петрова и Мартынова, были относительно молоды, на учительской должности состояли от пяти до десяти лет. К сожалению, отсутствие дополнительных источников не дает возможности проследить образовательный уровень, профессиональную карьеру и судьбу преподавателей. О Матвееве, чуваше по национальности, известно, что он уроженец с. Трехбалтаево Буинского уезда Симбирской губернии (ныне – Чувашская Республика). Окончил Симбирскую чувашскую учительскую школу. В 1903-1911 гг. учительствовал в той же губернии в Больше-Арабузинском двухклассном училище. С 1911 по 1915 гг. учился в Казанском университете. После окончания с дипломом второй степени историко-филологического факультета поступил на службу в Глазовскую семинарию. С сентября 1918 г. был вынужден уволиться «ввиду чрезвычайно тяжелых условий переезда из Казани в Глазов, и отсутствия средств». В 1918-1925 гг. работал в Шихранской учительской семинарии, которую впоследствии возглавил как директор (ныне Канашский педколледж Чувашской Республики). Преподавал и занимался изучением чувашского языка, составлял учебники для национальных школ. Был обвинен в национализме и репрессирован. В 1939 году умер в Соликамском лагере (реабилитирован в 1956 г.).

Такой же участи подвергся М. Галавкин, 1885 г.р., уроженец г. Елабуга Вятской губернии, осужденный в 1940 году на 10 лет исправительно-трудовых лагерей (реабилитирован в 1959 г. за отсутствием состава преступления). После Октябрьской революции М.А. Галавкин стал комиссаром народного образования Глазовского исполкома и в числе других учителей эвакуировался в Парзинское сельскохозяйственное училище в условиях колчаковского наступления июня 1919 года. Затем его имя из документов семинарии пропадает, он выбыл из села 10 июня. Известно, что в 1920-е гг. М. Галавкин работал в Усть-Каменогорском педтехникуме Восточно-Казахстанской области. По воспоминаниям, он преподавал там пение и руководил большим студенческим хором. Его характеризуют как человека, обладавшего тонким музыкальным слухом и большим художественным вкусом.

Законоучитель св. В.А. Татауров после отмены Закона Божия как учебного предмета, выполнял в семинарии обязанности заведующего хозяйственной частью и секретаря канцелярии. В январе 1919 г. по какой-то причине он был заключен в Глазовскую тюрьму. В июне того же года его фамилия обозначена среди учителей семинарии в парзинской эвакуации, а с августа упоминаний о Татаурове уже не встречается. Должность делопроизводителя семинарии возложена на М.В. Кутепову (вероятно, – супруга директора).

По мнению В.А. Сыркина, учитель пения Галавкин и законоучитель Татауров перешли на сторону белых во время колчаковского наступления в июне 1919 года. Нам не удалось обнаружить документального подтверждения данного факта.

Н. Мартынов (1868-1941), выпускник медицинского факультета Казанского университета. В Глазов, очевидно, приехал из с. Селты Малмыжского уезда. Там он в 1895-1903 гг. возглавлял волостную земскую больницу, прибыв из с. Сюмси того же уезда. В советские годы Н.А. Мартынов – организатор здравоохранения в Глазове, первый в Удмуртии заслуженный врач РСФСР.

В 1917-1918 уч. г. педагогический состав пополнился. Николай Васильевич Паморов поступил учителем ручного труда. Марию Николаевну Огневу и Марию Евграфовну Пашину приняли учительницами начального училища. Временно был допущен к преподаванию удмуртского языка св. Преображенского собора Василий Димитриевич Крылов. Письмоводителем, смотрителем здания и экономом служил дьякон семинарского храма Венедикт Васильевич Яхонтов. Однако уже в апреле 1918 года его заменил Г.В. Рублев, который, вероятно, больше соответствовал занимаемой должности по общественно-политическим взглядам. В прошении Рублев подчеркивает, что он «всцело стоя на платформе советской власти, приветствует ее как единственную выразительницу воли трудового народа. Да здравствует власть Советов!»

Можно предположить, что ни один из наставников не был глазовчанином по рождению. Все они жили в наемных квартирах: директор с семьей в три человека – в помещении семинарии

(Александровская, 15), пользовался её телефоном № 122. В доме св. Шкляева с телефоном № 52 на улице Пермской жил А. Машковцев. Телефон № 111 имелся и в квартире М. Огневой в доме Брощина на улице Вятской. Т. Матвеев снимал квартиру в доме Грехова на Преображенской улице. Семья Боголюбовых жила в доме Подугова на Воскресенской улице. На этой же улице в доме Порошина квартировал А. Татауров. Петровы (5 чел.) жили в доме Шамова на улице Георгиевской. На Кругло-Чепецкой в доме Шлякова снимала квартиру семья Н. Хорошавина (4 чел.) и В. Яхонтов (в здании Духовного училища). Галавкины (3 чел.) жили на улице Бассейной, в доме № 3. Бесплатным домом от кладбищенской церкви Преображенского собора пользовалась большая семья св. В. Крылова, состоявшая из супруги Веры Петровны и детей: Иоанна, ученика 4-го кл. Глазовского духовного училища, Александры, Екатерины, Виталия и Николая. О жилищных условиях врача Мартынова и учителя гимнастики Машковцева однозначных сведений нет. Поскольку они не получали квартирных выплат в жаловании, то можно заключить, что имели собственное жилье или за наем квартиры им платили по основному месту службы, Н. Мартынову – в земской больнице, А. Машковцеву – в военном присутствии.

О заработной плате учителей семинарии можно судить по сведениям, составляемым директором к смете Министерства народного просвещения. Она складывалась из следующих показателей: оклад по штатному расписанию, действительный оклад, состоящий из «жалования» и «столовых» (надбавка за стоимость продуктов и предметов потребления). Из этого оклада вычитались суммы в пенсионный и инвалидный фонды (говоря современными словами – налоговые вычеты), плата за наем квартиры преподавателем (см. Таблицу 3).

Таблица 3.

*Заработная плата преподавателей Глазовской учительской семинарии. 1918 г.*

Наименование должностей	Штатный оклад	Оклад (за вычетом в пенсионный и инвалидный фонд)		Выплаты за квартиру	Итого за вычетом
		жалованье	столовые		
Директор	2500	1176	784	500	2460
Законоучитель	1500	650	550	300	1500
Наставник русского языка	1500	637	539	300	1476
Наставник математики	1500	637	539	300	1476
Наставник истории и географии	1500	637	539	300	1476
Наставник физики и естествознания	1500	637	539	300	1476
На обучение сельскому хозяйству					500
Учитель графических искусств	625	294	196	125	615
Учитель пения	625	294	196	125	615
Учитель ручного труда и 2-го класса начального училища	1000	588	196	200	984
Учитель 1-го класса начального училища	625	282	188	125	595
Врач	300	294	-	-	294
Учитель гимнастики	150	150	-	-	150

Как видим, на руки учителя получали меньше, чем заявлено по штатному расписанию. У директора разница получилась в 40 руб., а у наставников (очевидно, в зависимости от занимаемой должности и выполняемого объема работы) – от 10 до 34 руб. К слову говоря, зарплата могла быть и выше, т.к. существовала еще 20 % надбавка за пятилетний стаж работы и другие выплаты, например, «военные». У Т. Матвеева (с университетским образованием) годовая зарплата составляла 1740 руб. (жалование – 650 руб., столовые – 550, квартирные – 300, надбавка – 240), что составляло 145 руб. в месяц. М. Огнева, «состоявшая на учительской службе в начальных училищах Глазовского уезда без перерыва с 1 сентября 1911 года по день назначения ее на должность учительницы начального при семинарии училища», получала в месяц 99,66 руб. (оклад – 76,33 руб. и т.н. «военная прибавка» в связи с подорожанием жизни в годы Первой мировой войны – 23,33 руб.).

Цифры в таблице выглядят, на первый взгляд, довольно внушительными. Но действительно ли хорошо зарабатывали преподаватели учительской семинарии, и на что они могли потратить полученные деньги? Не следует забывать, что семинария открылась в самый разгар Первой мировой войны, и социально-экономическое положение населения Удмуртии было крайне нестабильным. К тому же Глазов, расположенный на железнодорожной магистрали, ежедневно принимал и обеспечивал жильем, питанием, предметами потребления беженцев. Можно предположить, что жизнь «дорожала» с каждым днем. Красноречивые сведения предоставляет «Таблица сравнительных цен на продукты питания и промышленные товары по Вятской губернии на 1 июля 1914 г. и 1 марта 1917 г.», составленная Вятской казенной палатой. Из таблицы следует, что цена на ржаную муку (1 пуд или 16 кг) за этот период повысилась более чем на 323 %, сливочное масло – на 500 % (с 12 до 72 руб.), мясо – на 208 %, рыбу – на 300 %, подорожание десятка яиц (с 12 до 80 коп.) произошло на 567 %. Столь же стремительно повышались цены на одежду, обувь, белье. Средний процент повышения всех цен в Глазове составил 323 %. Разумеется, зарплата не поспевала за ценами. Из табеля учительницы Огневой видно, что в 1917 году ее месячного заработка не хватало даже на перечисленные Вятской казенной палатой продукты питания (мука ржаная, мука пшеничная, крупа гречневая, рис, сливочное масло, мясо, рыба, молоко, яйца). К тому же следует, оговориться, что многие перечисленные продукты на рынке города просто отсутствовали. Отсюда следует, что учителя семинарии, если не бедствовали, то жили весьма скромно, а в условиях гражданской войны терпели нужду и лишения вместе с воспитанниками семинарии.

### **Вопросы профессиональной деятельности**

Ежегодно директор отчитывался перед педагогическим советом семинарии и отсылал свой отчет в учебный округ. Отчет содержал сведения о материальной и финансовой базе семинарии, составе учащихся и преподавателей, об образовательном и воспитательном процессе. Книжный фонд библиотеки к 1 января 1918 года насчитывал 2064 наименования книг общим числом 6928 томов, причем основную часть составляли учебники. Для приобретения книг и иных учебных принадлежностей семинария финансировалась из средств государственного казначейства. Например, в 1917 году на пособия для занятий музыкой и пением было отпущено более 300 руб. Также приобретались наглядные пособия для физического, естественно-исторического и сельскохозяйственного кабинетов. Класс ручного труда был оборудован переплетно-картонажными инструментами (88 вещей), среди которых: верстаки, токарный станок, плотницкие и столярные инструменты. Общую стоимость книг, учебных пособий и учебно-вспомогательных предметов директор оценил более чем в 10 тыс. руб.

С.М. Кутепов довольно строго подходил к оценке педагогического потенциала семинарии. Его, в частности, не всегда удовлетворяла методическая подготовка будущих учителей по отдельным предметам. В отчете за 1917 гражданский год директор указывал на недостатки в преподавании ручного труда и гимнастики, связанные с наличием слабой материальной базы и отсутствием квалифицированных преподавателей, он отмечал, что занятия учащихся по ручному труду велись в проходной классной комнате, которая одновременно служила столовой, а площадь комнаты не позволяла размещать всех учеников отделения, и их приходилось делить на подгруппы не более 12 человек. Для уроков гимнастики училище арендовало зал местной воинской команды, который не был приспособлен для гимнастических занятий. В нем располагались кровати солдат, поэтому они, нередко были вынуждены присутствовать на уроках воспитанников училища. Кутепов не скрывал отсутствие методической подготовки учителя-совместителя по физкультуре А.Е. Машковцева. Он был принят на вакантную должность за неимением учителя-профессионала «как ранее проходивший в строю курс гимнастики и вполне отвечающий по своим служебным и нравственным качествам требованиям, предъявляемым всякому преподавателю». Директора беспокоила ненормальная ситуация с уроками по графическому искусству. По причине отсутствия наставника М.Н. Шатрова, не вернувшегося из отпуска в октябре 1916 г., занятия не велись целое полугодие. Лишь во втором полугодии названного преподавателя заменила Е.П. Боголюбова, учительница женской гимназии, и уроки возобновились.

Степень успешности освоения учебных дисциплин директор оценил на «удовлетворительно» и отметил, что воспитанники стремятся понять, осмыслить и усвоить преподаваемое. Слабым местом образовательного процесса он назвал «отсутствие твердых навыков в самостоятельном изложении мыслей». С целью ликвидации указанных пробелов в обучении и расширении «умственного кругозора» наставник истории Г.Н. Боголюбов проводил вечерние беседы. Правда, эти мероприятия не пользовались большим спросом. Причин было много: учеба в разных корпусах, сложность вечернего сбора воспитанников, проживавших в разных концах города, отсутствие свободного времени и у

семинаристов, и у их учителей, вынужденных после двухчасового отдыха от учебных занятий возвращаться в учебные корпуса и по «твердому» расписанию заниматься ручным трудом, гимнастикой, пением, огородными работами. Однако, по мнению директора, такая форма работы исключала нарушение дисциплины оставленных без присмотра подростков, формировала навыки коллективного труда, поддерживала физическое здоровье учеников. А самое главное, семинаристы получали навыки практической педагогики, на что в целом была направлена деятельность учительской семинарии.

Февральская революция отменила сословные, национальные и религиозные ограничения, привнесла в жизнь учительских семинарий административно-управленческие и методико-педагогические перемены. Несомненным достижением революции явилось осуществление национального образования. В архивном фонде семинарии сохранились ценнейшие документы, свидетельствующие о реализации права на национальное образование. По ходатайству Удмуртской секции Общества народностей Поволжья и предложению Глазовского культурно-просветительного общества удмуртов преподавателем родного языка для семинаристов-удмуртов стал священник Глазовского Преображенского собора В.Д. Крылов, выпускник Казанской учительской семинарии 1890 г.

Прослужив в образовательных учреждениях Сарапульского и Елабужского уездов, он перешел в духовную сферу, пожелав, говоря его словами «достигнуть теснейшего общения со своими сородичами – инородцами вотяками и работать среди них на ниве Божией в священном сане в целях распространения среди них евангельского света». Об усердии на этой ниве говорят, к примеру, характеристики: «дьякон Василий Димитриевич Крылов, родился 2 февраля 1877 в с. Урясь-Учи Мамадышского уезда Казанской Епархии от дьякона. Чтение, пение и Катехизис знает очень хорошо. На вотском языке говорит свободно. Поведения весьма хорошего», «Грамоту имеет в целости. Вотским и татарским языками владеет в совершенстве». В 1906 году отец Василий связал свою судьбу с Глазовом и уездом. Здесь, помимо выполнения непосредственных функций священнослужителя, он занимался просвещением населения прихода. Исполнял должности заведующего и законоучителя Русско-Чеканской церковно-приходской школы (1906 г.), законоучителя Удинского земского училища (1906 г.), состоял законоучителем Быгишевского земского училища (в 1913 г.), Медминского земского училища (1914 г.). Одновременно вел большую общественную и миссионерскую деятельность. С 1908 года являлся председателем инородческой переводческой комиссии, а с 1912 года – инородческим миссионером Глазовского округа Вятской епархии. Можно предположить, что своеобразным толчком к активизации просветительской деятельности стало участие летом 1917 года В.Д. Крылова (вместе с И.Я. Поздеевым – представителем уездного филиала Учительского союза Вятской губернии) в работе I съезда малых народностей Поволжья в Казани. Решением удмуртской секции съезда отец Василий был назначен ответственным редактором «вотской» газеты «Удморт», до этого издаваемой под названием «Войнаись ивор» («Вести с войны») под редакцией известного в Вятской губернии православного миссионера и просветителя П.П. Глезденева.

Опираясь на решения удмуртской секции съезда, осенью В.Д. Крылов обратился с заявлениями о принятии на службу в учительскую семинарию и женскую гимназию. В заявлении написал о необходимости преподавания удмуртского языка: «как обязательного предмета для учащихся вотяков вообще и в частности для русских, изъявивших желание изучить его, не только практически, но и грамматически». Крылов считал, что главным орудием воспитания и образования подрастающего поколения должен быть родной язык. «С получением свободы все народы, населяющие Россию, вправе требовать себе свободного развития на почве культурного самоопределения наций во главе с национальной школой», – так понимал удмуртский священник культурное развитие своего народа. О его просветительских взглядах можно судить также по статье «Удмуртьёслэн дышетсконзы сярысь» («О просвещении удмуртов»), написанной совместно с П.Ф. Целоусовым<sup>3</sup>. В статье они призывали: «О Боже! Помоги нам, удмуртам, встать на ноги, помоги нам обрести достоинство и стать наравне с русским народом» и ходатайствовали перед Временным правительством об открытии удмуртской

---

<sup>3</sup> П.Ф. Целоусов – член 1-ой Государственной Думы 1906 г. от Вятской губернии (единственный удмурт среди 13 депутатов). За присоединение и подписание «Выборгского воззвания» был осужден и как политически неблагонадежный, выслан за пределы Вятской губернии. После Февральской революции 1917 года вернулся домой и активно включился в общественную жизнь, был членом Глазовского уездного земского собрания, служил инструктором по народному образованию для удмуртских школ уезда.

учительской семинарии в Глазове, селах Полом или Зура, об открытии при семинарии подготовительного класса.

Отмечая необходимость просвещения удмуртов, члены культурно-просветительного общества приводили факт неравенства в обучении детей. При 50 % представленности в уезде удмуртов, в школах их было меньше половины. В женской гимназии – из 550 учащихся 35 удмурток, из 300 гимназистов мужской гимназии 21 удмурт. Кстати, и в учительской семинарии, ориентированной на подготовку специалистов для нерусских начальных школ, среди 55 учеников удмуртов насчитывалось лишь 25 чел. Рекомендуя на должность учителя отца Василия Крылова, члены Попечительного совета женской гимназии и члены Педагогического совета семинарии отметили, что священник имеет опыт работы учителем начальных училищ. Данное мнение поддержали члены Глазовского культурно-просветительного общества и предложили следующее расписание уроков удмуртского языка: в учительской семинарии в неделю 6 – 8 уроков, мужской гимназии – 4 урока, женской гимназии – 4 урока, высшем начальном училище – 2 урока. Уездное земское собрание 78 голосами депутатов в октябре 1917 года утвердило решение о преподавании в семинарии удмуртского языка в объеме 6–8 уроков в неделю, а в распоряжение городской управы выделило 600 руб. на приобретение книг, пособий на удмуртском языке и на оплату труда преподавателя. В семинарию В.Д. Крылов поступил 26 ноября. Вероятно, сан служителя культа помешал В. Крылову в дальнейшей просветительской и профессиональной педагогической деятельности. И если в списках должностных лиц Глазовской учительской семинарии за 1917–1918 уч. г. его фамилия еще значится и 8 августа 1918 г. он в числе прежних наставников утвержден на заседании губернского совета народного образования, то в следующих списках и иных документах упоминаний о Крылове уже нет. Дальнейшая судьба его и его семьи неизвестна.

После Октябрьской революции изменилась ведомственная принадлежность семинарии. Практическое руководство осуществлялось отделом народного образования Глазовского уездного исполкома народных депутатов (УОНО) при Вятском губернском отделе народного образования (ГУБОНО), который не только выполнял административные функции, но также решал важные педагогические задачи. В одном из циркуляров губернского отдела народного образования имеется требование активизировать педагогическое дело в учительских семинариях, прилагать больше энергии и больше знаний, обсудить, соответствует ли административный и педагогический персонал стоящей перед системой профессионального образования задачей. Предполагалось увеличение числа практикующих педагогов за счет упразднения должности директоров и инспекторов народных училищ. С целью соблюдения принципов демократии («самоуправление на коллегиальных началах при относительной автономии учебного заведения»), декларируемой революцией, вменялось введение выборного начала при формировании Педагогического совета и при замещении вакантных административных и преподавательских должностей. Право выдвижения кандидатов педсовет разделил с представителем от органов местного самоуправления («комиссаром народного образования» стал М. Галавкин). Кандидатуры на должность председателя педсовета семинарии бывшего директора и прежних учителей С. Кутепова, А. Петрова, Т. Матвеева, Н. Хорошавина, Г. Боголюбова, Е. Боголюбовой, Н. Паморова, В. Крылова, Н. Мартынова, М. Галавкина, А. Машковцева, М. Пашиной были утверждены на заседании губернского совета народного образования 8 августа 1918 г.

Строительство национальной школы перешло в руки Удмуртского отдела при Наркомпросе РСФСР. Подчиненные ему специальные секции нацменьшинств при губернских и уездных исполкомах Советов осуществляли практическое руководство национальным образованием. Так, Удмуртская секция вела учет воспитанников-удмуртов, контролировала преподавание в семинарии языка, истории и этнографии удмуртов, интересовалась, имеются ли в семинарии воспитанники-удмурты – члены Глазовского союза молодежи. В 1918-1919 уч. г. мужская учительская семинария стала смешанным по составу учащихся заведением. В нее были переведены ученицы восьмого («педагогического») класса женской гимназии. По декрету Совета народных комиссаров РСФСР от 23.01.1918 г. «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» изменился перечень учебных предметов, было упразднено преподавание закона Божьего и церковно-славянского языка, отменены ежедневные молитвы учащихся.

### **Общественно-политическая жизнь семинарии и эвакуация**

Рождение и годы жизни учительской семинарии в Глазове пришлось на период бурной общественно-политической истории страны. Семинарию не обошли стороной события Первой мировой и Гражданской войн, Февральской и Октябрьской революций. Директор и преподаватели прикладывали большие усилия для воспитания патриотизма в учащихся, формирования в них активной жизненной



позиции. Исследователи отмечают, что в годы войны преподаватели и семинаристы внесли свой вклад в защиту Родины, они участвовали в благотворительных акциях. Например, для отправки подарков на западный фронт ими было собрано 28 руб. 40 коп. Преподаватели проводили бесплатные занятия с беспризорными детьми, прибывшими в составе беженцев по железной дороге, готовили их к поступлению в учебные заведения города.

4 февраля 1917 года в семинарию поступило предложение создать ученическую дружину для оказания помощи солдатским семьям в уборке урожая. Однако семинария отказалась участвовать в этой акции, потому что воспитанники (в подавляющем большинстве – сельские ребята) и так привлекались к уборочным работам своими родственниками. Проблемы семьи, оставшейся без хозяина, были знакомы им не понаслышке. Воспитанники семинарии голодали вместе со всеми. Для материального и финансового поддержания нуждающихся в конце 1915 года учащиеся семинарии создали общество «Самопомощь». Основная деятельность общества заключалась в организации питания семинаристов. Однако члены общества не ограничивались благотворительной и милосердной деятельностью, при участии учителей они вели просветительскую работу среди молодежи города и уезда, а вскоре сами оказались под влиянием большевиков. 23 сентября 1916 года его члены – Николай Попов, Василий Максимов, Аркадий Халевин, Василий Шанько и др. стали организаторами «Бюро сочувствующих РСДРП», а в последующем – комсомольского движения в г. Глазове и уезде. Комсомольцами в семинарии стали также удмуртские парни: Даниил Ившин, Николай Опарин, Георгий Воронцов, Александр Корепанов, фамилии которых встречаются во многих документах, свидетельствующих об их активной жизненной и политической позиции.

Ежедневные проблемы политической, профессиональной и бытовой деятельности не обошли семинарию и в условиях Гражданской войны. В декабре 1918 г. белая армия адмирала А.В. Колчака развернула наступление на северном участке Восточного фронта. Сибирский корпус генерала А.Н. Пепеляева наступал на Глазов с целью продвижения по железнодорожному пути Пермь – Глазов – Вятка на Котлас для соединения с армией Е.К. Миллера. В условиях опасности ликвидации советской власти город и уезд оказались на военном положении. Начальник городского гарнизона Н.И. Воинов в феврале 1919 г. писал: «Глазов слышит уже оружейную стрельбу. Скоро, наверно, запахнет настоящим порохом. <...> Выстрелы смущают граждан». В марте Глазовская уездная эвакуационная комиссия вынесла решение об эвакуации некоторых учреждений, учебных заведений и отделов уездного исполкома. Такие отделы, как отдел народного образования, труда, земельного, национальностей и др., «в которых нет в Глазове особенной надобности», предполагалось вывезти в с. Уни. Однако эвакуация учительской семинарии началась раньше – в январе, и отправилась она не в назначенное селение.

Директор Кутепов, начиная с 26 декабря 1918 года, несколько раз выезжал в Ключевскую, Святогорскую, Ягошурскую и Балезинскую волости Глазовского уезда «для осмотра и подыскания помещений, подходящих для занятия их школами 2 ступени г. Глазова», и в которых можно было также «осуществлять учебный процесс и разместить для проживания учащихся и преподавателей семинарии». 5 января 1919 года от Кутепова в Глазовский уездный отдел народного образования поступила докладная записка, что помещения Парзинского сельскохозяйственного училища<sup>4</sup> являются «достаточно пригодными для учительской семинарии». Однако у семинарии не было средств и транспорта для эвакуации. По приблизительным подсчетам на оборудование классов, перевозку учебного инвентаря, содержание учащихся, преподавателей и членов их семей необходимо было 60 тыс. руб. Эту сумму предполагалось взять в уездном отделе народного образования (при условии выдачи денег в губернском комиссариате народного образования, «если названные отделы считают эвакуацию семинарии необходимой»). Обеспечить продовольствием на несколько месяцев обязался заведующий училищем П.Ф. Безсолицын при условии финансирования и снабжения «зачетными карточками, по которым он сможет купить муку, скот» в окрестных деревнях.

Проблема заключалась также в определении состава и количества эвакуирующихся. Ясно было, что в условиях военных действий и прекращения учебы на неопределенный период многие учащиеся могут разъехаться по домам. Некоторые из них устроились на службу в городе. Для уточнения списка желающих продолжить обучение в газете «Известия Глазовского уездного исполкома Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов» (№ 22 от 9 января 1919 года и еще в трех последующих номерах) поместили объявление об эвакуации семинарии в Парзи и о начале учебных занятий. В

---

<sup>4</sup> Глазовское низшее сельскохозяйственное училище (по другому – Парзинская сельскохозяйственная ферма) организовано в 1895 г. Глазовским уездным земством как Глазовская (Парзинская) низшая сельскохозяйственная школа 1-го разряда.

архивном деле приводятся противоречивые цифры о количестве эвакуированных: от 8 января – 189 человек (139 учащихся и 50 служащих), от 23 февраля – 194 человек. Вполне вероятно, что число определившихся в статусе эвакуированных росло за счет членов семей и преподавателей других учебных заведений г. Глазова, пожелавших эвакуироваться с семинарией. В архивных документах встречаются упоминания о С.М. и В.М. Кутеповых, А.Н. Пельц, А.Н. Петрове, Н.В. Хорошавине, Н.В. Паморове, Г.М. и Е.П. Боголюбовых (Елена Петровна перешла в семинарию 2 января 1918 года из женской гимназии с должности классной надзирательницы), М.А. Галавкине, делопроизводителе В.А. Татаурове, библиотекаре А.Н. Лисине, учительнице М.Г. Пашиной, о М.В. Магницком, Н.М. Цекаловской, В.В. Лобовиковой, М.Ф. Зосимовском, М.П. Аужбикович, Колесниковой, Абашеве, Е.В. Дерновой и др. Летом 1919 года состав резко сократился. В списках значатся лишь 28 чел. Очевидно в июне, выбыла семья Боголюбовых, может быть по причине того, что глава семьи Г.М. Боголюбов нашел работу в Вятке после участия в работе губернского съезда по внешкольному образованию (15 февраля 1919 года).

Эвакуируясь в с. Парзи, продовольствие, «личное имущество и имущество семинарии, не исключая и музыкальных инструментов», вывезли на ста гужевых подводах. Удостоверения на право вывоза и проезда были подписаны заведующим отделом народного образования уезда Н.Я. Шубиным и секретарем отдела Б. Есиповым. Эвакуированные заняли четыре здания, в них расположились учебные классы и помещения для занятий ручным трудом. В них же предполагалось разместить для временного проживания преподавателей и служащих семинарии с семьями, а также учащихся-воспитанниц образцовой школы при семинарии. Мальчиков-семинаристов разместили в нескольких избах жителей деревни Главатских, удаленной от сельскохозяйственного училища на расстоянии всего одной версты<sup>5</sup>.

В эвакуации семинария жила, испытывая холод и голод, нуждаясь в самых необходимых материально-бытовых условиях. Большим испытанием стали эпидемические болезни ребят. В марте 1919 года заболели ученик образцовой школы семинарии В. Ившин и ученик Парзинского сельскохозяйственного училища Рылов. Директор С. Кутепов попросил выслать сестру милосердия из Глазова. О.И. Спасокукоцкая, временно замещавшая семинарского врача, сочла возможным ограничиться предупредительными мерами: распустить по домам на две недели учащихся верхнего этажа общежития с целью нераспространения тифа, а также произвести дезинфекцию в общежитии и наиболее посещаемых классных комнатах. В апреле был зафиксирован еще один заболевший – ученик сельскохозяйственного училища. В связи с чем, в семинарии учебные занятия были приостановлены до 7 апреля. Кстати, в связи с предстоящей мобилизацией в Красную армию учителей и учеников призывного возраста С.М. Кутепов извещал, что от сыпного тифа, скарлатины и дифтерита умерли четыре ученика семинарии и сельскохозяйственного училища, «медицинской властью на эти школы положен карантин». Очевидно, после предпринятых мер эпидемию вскоре удалось предотвратить, потому что иных документов в фонде семинарии не обнаружено.

Директор неоднократно обращался в уездный отдел с просьбой выделить для семинарии свечи для освещения классных комнат, керосина, которого «при всей бережливости расходуется довольно значительно». В служебных записках отмечалось, что в керосине нуждаются воспитанники семинарии и учащиеся образцовой школы, а также преподаватели, лишённые возможности готовиться к урокам, что без освещения «учащиеся не в состоянии ни читать, ни писать. Все это самым неблагоприятным образом отражается на ходе учебного дела», а вечерние занятия ручным трудом, рукоделием, гимнастикой, «новыми языками», внеклассным чтением и прочим из-за отсутствия освещения совсем не могут происходить.

Не менее сложной была проблема питания. Доставкой продуктов по нормам, установленным Наркомпродом, в основном занимались члены окрестных волостных продовольственных комитетов. Например, на июль и август месяцы С. Кутепов заказал в Ключевском исполкоме продовольствия на 28 чел. служащих семинарии и членов их семей. Таким образом, кроме 50 пуд. муки, 5 пуд. крупы и 10 пуд. мясных продуктов, вывезенных из Глазова, дополнительно было закуплено еще 25 пуд. муки, а житель д. Байран Пушкинской волости<sup>6</sup> В.М. Ившин доставил для ученической столовой 7 пуд. крупы. Учителя и сотрудники семинарии получали продовольствие на каждого члена семьи. Например, в июне 1919 года было выделено муки семье Кутепова (3 чел.) – 4 пуд. 10 фунт<sup>7</sup>, Петрова (5 чел.) – 6 пуд. 20 фунт., Хорошавина (4 чел.) – 5 пуд. 25 фунт.

---

<sup>5</sup> 1 верста = 1,6 км

<sup>6</sup> Ныне – д. Баяран Юкаменского района.

<sup>7</sup> 1 фунт = 409 г

В условиях эвакуации активизировалась деятельность комсомольской организации. Комсомольцы контролировали работу столовой, соблюдение санитарно-гигиенических норм общежития. В 1919 г. (во время проживания в с. Парзи) была создана комиссия по устройству общежития. Члены этой комиссии Ф. Першин, П. Конев, Д. Ившин, И. Мусихин, Н. Опарин, К. Семенов, С. Савиных и М. Волкова с участием председателя воспитательной коллегии семинарии А.Н. Петрова подыскивали наиболее удобные помещения для учащихся. 1 февраля они вышли с предложением в педсовет занять помещение церкви и одну учебную комнату сельскохозяйственного училища, а 8 марта 1919 года обратились к администрации семинарии с несколькими требованиями жилищно-бытового характера. Первое касалось подготовки бани для мытья. Судя по документу, воспитанники не мылись уже четыре недели, и очевидно, они выражали свое недовольство в адрес администрации через активистов союза. По-юношески прямолинейно они отметали отговорки насчет недостатка дров, о чем записано: «а оправдание на недостаток напиленных дров считаем неосновательным, потому что дрова были распилены воспитанниками и потрачены на другие надобности». Комсомольцы также требовали у комиссии улучшить уборку в общежитиях и два раза в неделю мыть полы. Другое требование касалось организации питания, в частности, чтобы мясо преподавателям выдавалось на ранних условиях с учащимися, без специального отбора и со всеми одновременно, а готовый кипяток должен быть ежедневно утром и вечером, чтобы ученики своевременно могли пить чай. Комсомольцы вынесли также решение, в котором требовали от администрации немедленно найти рабочих «для безотлагательной чистки клозета».

Колчаковские войска обошли Парзи стороной, но семинаристы и некоторые преподаватели не избежали мобилизации в Красную армию. Правда, С.М. Кутепов предпринял попытку оставить их в стенах учебного заведения, ссылаясь на приказ Комиссариата по военным делам, опубликованного в Известиях ВЦИК от 31.08.1918 года, декрет Совета народных комиссаров, опубликованный в Известиях ЦИК (№ 21, 1919 г.), и решение уездной эвакуационной комиссии. В служебной записке на имя коменданта Понинского района он писал, что преподаватели глазовских школ второй ступени (гимназии, высшее начальное училище) и сельскохозяйственного училища «все оставлены на местах», а семинария и училище находились на карантине вследствие эпидемии тифа, поэтому учителя семинарии «также должны быть освобождены от призыва на службу по мобилизации». Что касается преподавателей семинарии - мужчин, по словам Кутепова, Н.В. Хорошавин исключен из призывного списка из-за плохого зрения и «отсутствия 17 зубов», Г.М. Боголюбов (1884 г.р.) – по статье 58 от 25.12.1918 г., М.А. Галавкин (1885 г.р.) – по очень слабому зрению и Н.В. Паморов (1878 г.р.) – по статье 62. Вероятно, был мобилизован А.Н. Лисин, так как из сопутствующих материалов известно, что он вернулся в семинарию (на Парзинскую ферму) летом 1919 года.

Список мобилизованных семинаристов составлен за подписями председателя и секретаря комитета комсомола семинарии Ившина и Халевина. Отсюда можно сделать вывод, что Д. Ившин, Н. Опарин, В. Попов, М. Ворончихин, Н. Савиных, А. Халевин, П. Чепурнов, К. Баев (1897-1900 г.р.) записались в Красную Армию добровольно. Их дальнейшую судьбу пока не удалось проследить, и не известно, участвовали ли они в боевых действиях, и все ли вернулись в семинарию. При этом обнаружены удостоверения, выданные В. Попову, П. Чепурнову, И. Мусихину в октябре 1919 года о том, что они на основании приказа Комиссариата по военным делам от 31.08.1918 г. за № 187/451 не должны призываться впредь до особого распоряжения. Такие же удостоверения семинария за подписью С. Кутепова выдала в июле, августе, сентябре А. Пономареву, М. Главатских, Е. Маслову, А. Ворожцову, Т. Брызгалову, Д. Горбушину. Удостоверения были высланы красноармейцам 1-го Уральского коммунистического железнодорожного батальона А. Ивонинскому и В. Шанько, солдату 1-го взвода 12-й роты 7-го Приволжского запасного стрелкового полка И.И. Любому. Очевидно, таким способом директор пытался освободить своих воспитанников от участия в гражданской войне и дать им возможность учиться.

Архивные документы показывают, что семинария в условиях эвакуации продолжала работать. Летом учителя участвовали в статистических исследованиях на территории Ключевской волости, куда входило с. Парзи. Предпринимались попытки вести прием на новый 1919-1920 уч. год. Поступали заявления от желающих учиться в семинарии. К примеру, ветфельдшер 3-й армии В. Анисимов интересовался программой и правилами «для держания экзамена на звание учителя», а во время летних каникул 1919 года семинаристы 3-го класса П. Зуев, П. Шиляев и Т. Брызгалов выясняли, когда и где начнутся занятия в новом учебном году.

7 и 12 сентября 1919 года гужевым транспортом на 61 подводе имущество семинарии (уже в новом качестве – Глазовские педагогические курсы) было возвращено в Глазов. Контингент учащихся, педагогический и обслуживающий персонал не без потерь, но был сохранен.

### Помещения и материальный комплекс семинарии

Семинария являлась государственным учебным заведением и входила в систему Казанского учебного округа Министерства народного просвещения. Финансировалась из «казенных средств» по ежегодно составляемой директором смете. В смету входили показатели многих жизненно необходимых потребностей по средствам, предметам и проведения мероприятий. Например, для содержания ее в 1918 году было запланировано 24420 руб., из которых львиная доля приходилась на хозяйственные расходы – 20420 руб. (см. Таблицу 2).

Таблица 2.

*Смета расходов на содержание Глазовской учительской семинарии. 1918 г.*

Предметы расхода	Сумма (руб.)
На хозяйственные расходы:	
– дрова	4500
– распилка и расколка дров	600
– доставка дров	800
– освещение, лампы, арматура, стекла и т.д.	600
– плата за воду	50
– парты, 30 штук	1500
– ремонт мебели	200
– ремонт помещений, обои, побелка, вставка рам, стекол	600
– ремонт электрического освещения, телефонов, звонков, часов	200
– плата за телефоны	180
– содержание лошади	1800
– ремонт экипажей, сбруи	200
– мел, губки	50
– классные доски	150
– переплет книг	600
– содержание церкви	300
– предметы домашнего обихода	300
– жалование диакону за совершение богослужений в семинарском храме (он же письмоводитель, смотритель здания и эконом семинарии)	420
– жалованье писцу и служителям	2820
– очистка отхожих мест и мусорных ям	500
– непредвиденные расходы, могущие быть вследствие прогрессивно увеличивающихся цен	3850
<i>Итого</i>	20420
На канцелярские расходы	200
На расходы по лечению больных	300
На наем помещения	3500
<i>Всего по § 7, ст. 4, лит. Г.</i>	24420

К сожалению, не удалось проследить, в каком объеме исполнялась указанная смета, но зная общую социально-экономическую обстановку в стране и Глазове, можно не сомневаться, что семинария испытывала материальные и финансовые трудности.

Хронологически самым ранним архивным делом, содержащим сведения о семинарских зданиях, является копия журнала Глазовской городской думы. На заседании Думы от 13 декабря 1916 г. (с приглашением директора С.М. Кутепова) обсуждалась проблема строительства для учебного заведения собственного здания. Ревизионная комиссия вышла с ходатайством в Думу об обмене участка земли, отведенного семинарии «за линией железной дороги против Александровской улицы» 9 ноября 1911 г. В 1916 году в городе было найдено более удобное место и думцам предстояло принять решение об обмене участка и начале строительства. Присутствие директора на заседании оказалось весьма кстати, он сумел отстоять и новое месторасположение, и площадь отводимого участка в 5 десятин (5,45 га). Дело в том, что некоторые земские гласные предлагали сократить площадь до 3 или 4 десятин, а другие требовали оставить под строительство семинарии первоначально запланированный участок за железной дорогой. Свое решение они мотивировали несколькими обстоятельствами: во-первых, «городской» участок втрое ценнее, чем за железнодорожной линией, во-вторых, учащиеся в основном сельские дети и им будет комфортнее в привычной ландшафтной среде, в-третьих, опытный садово-огородный участок удобнее будет разбить «окрест крестьянских владений» (за дорогой город представлял собой типичную деревню). Депутаты, поддержавшие С.М. Кутепова, справедливо отмечали, что ежедневный переход за железную дорогу грозит семинаристам многими опасностями. В результате голосования дума постановила отвести семинарии землю в районе городского квартала № 51 по линии Сибирского тракта «на левой стороне, считая от города к Базезину», «включая в то число и лог, находящийся рядом с арендованным местом наследников Шешукова»<sup>8</sup>. К сожалению, здание семинарии не было построено вследствие множества социально-экономических проблем, вызванных Первой мировой войной, Февральской и Октябрьской революциями.

За неимением собственного помещения семинария арендовала дом по адресу ул. Александровская, 15<sup>9</sup>. Между директором Глазовской учительской семинарии и представителем домовладельца, городского инженера Якова Платоновича Максимовича, договор на аренду был заключен 8 августа 1915 г. за № 447. Оплата помещения составляла 1000 руб. в год. Дом Максимовича состоял из 8 комнат, кухни, коридора, ванной и подвального помещения для служителей. Две жилые комнаты были отведены под классы, одна под учительскую и канцелярию семинарии, в четвертой (самой большой по площади) размещались физический и естественно-исторический кабинеты и отчасти библиотека. В четырех небольших комнатах жила семья директора. При доме имелись надворные постройки: баня с прачечной, ледник (погреб), кладовая, каретный и дровяной сарай и конюшня. Однако, в арендуемом на Александровской улице помещении становилось тесно, и 27 мая 1917 года С.М. Кутепов дополнительно взял в арендное содержание у мещанки Александры Сергеевны Чирковой «дом со всеми надворными постройками, на углу Кругло-Чепецкой и Бассейной улиц»<sup>10</sup>. Кроме кухни и отдельного помещения для прислуги и прихожей, в доме были пять больших и светлых комнат. Три из них стали учебными классами, одна небольшая комната служила учительской, в большой (проходной) велись занятия ручным трудом, она же служила столовой. При доме также имелись надворные постройки и небольшой земельный участок, где предполагалось вести практические занятия по садоводству и огородничеству. Условия найма с хозяйкой дома оговаривались очень подробно:

1. Все строения (дом, погреб, баня, небольшой амбар, курятник, пристройка, два коровьих хлева, птичник и навес) поступили в пользование учительской семинарии с первого июня 1917 года вперед на 2 года (по 1 июня 1919 года) с платой по 1200 руб. в год. Арендная плата производилась по полугодиям вперед.

2. Семинария получила право оставить все строения и земельные угодья за собой и на третий год (с 1 июля 1919 года по 1 июня 1920 года). В противном случае она обязалась уведомить А.С. Чиркову о расторжении арендного договора не позже 31 марта 1919 года.

3. Ремонт за время арендного пользования перекладывался на семинарию. Ко дню окончания арендного срока строения должны быть возвращены в том же состоянии, в каком находились на момент подписания соглашения. Чиркова не возражала, что окраска полов будет облуплена, а обои на стенах и потолках порваны и загрязнены, и на возобновлении новых не настаивала.

---

<sup>8</sup> Сегодня это – небольшое парковое пространство с липами слева от здания школы № 1, во дворе дома № ? на улице Сибирской.

<sup>9</sup> Сегодня – перекресток улиц Луначарского и Энгельса, наискосок от старого здания Глазовского технического колледжа (ул. Луначарского, 20), бывшего здания Глазовской мужской гимназии, построенного в 1905 г.

<sup>10</sup> Сегодня это – сквер по ул. К. Маркса в квартале от ул. Сибирской, до ул. Толстого.

4. Договаривающиеся стороны осмотрели строения и отметили отсутствие проходов в фундаменте, сгнивший «пол столовой близ слухового окна, сгнивший местами пол в террасе, выходящей в сад, подгнившая местами лестница и сгнившие некоторые балки террасы, отсутствие перил у террасы, выходящей во двор, прогнивший пол в бане, поломанная топка печи в предбаннике, сгнившая и разрушившаяся в погребе крыша, подгнивший забор во дворе от ворот». В соглашении отметили, что указанные недостатки не должны ремонтироваться за счет семинарии.

5. Оконные рамы, стекла, оконные и дверные заборы, ключи, навесы оговаривалось сдать домовладелице в полной исправности. В противном случае семинария обязывалась ремонт произвести за свой счет.

6. Семинария обязалась также не запускать поступающие в пользование огород и сад, засаженный деревьями и ягодными кустами. Но за порчу деревьев и ягодных кустов вследствие влияния погоды, почвы и т.п. причинами семинария ответственности не несла.

7. Проведенное в дом электрическое освещение поступило в пользование семинарии без арматуры, за неё семинария должна была заплатить особо по дополнительному договору.

8. В пользование семинарии на все время аренды поступил телефонный провод и аппарат, который мог перейти в полную собственность семинарии только по соглашению сторон и притом за особую плату. Предусматривалось, что в случае порчи они восстанавливаются за счет семинарии и хозяйке возвращаются в полной исправности.

9. Вставка стекол, очистка дымовых труб, помойных ям, мусора, конюшен, хлебов, птичника, уборка снега во дворе и на тротуарах производились средствами и заботами семинарии, и А.С. Чиркова снимала с себя ответственность в этом отношении перед санитарной комиссией и милицией.

10. Уплату государственных, городских, ямских налогов за строения и землю домовладелица оставила за собой.

11. Если в течение арендного срока строения, двор, сад, огород будут проданы другому лицу, то семинария по условиям договора не могла опротестовать данное решение хозяйки.

12. При решении семинарии освободить помещение раньше срока, арендную плату она обязалась внести полностью до конца срока договора. А Чиркова не имела права отказать семинарии в пользовании строениями и земельными угодьями по своему усмотрению на весь срок аренды.

13. В случае, если сдаваемые строения будут уничтожены пожаром или подвергнутся порче от пожара, договорные обязательства между А.С. Чирковой и семинарией прекращались. При этом в течение трех месяцев со дня пожара владелица получала право удержать арендную плату.

По оценке директора, арендуемые под семинарию здания в целом удовлетворительны: светлые, нехолодные, высота комнат достаточная. Однако эти помещения вовсе не были предназначены для учебных занятий: не было гимнастического зала, да и другие помещения не настолько вместительны, чтобы «могли в должной мере обслуживать все нужды семинарии». Вот почему директор искал возможности обзавестись собственным зданием. Попытка улучшить жилищно-бытовые условия предпринималась не раз. В апреле 1918 года педсовет семинарии уполномочил директора связаться с депутатским съездом Глазовского духовного училища, закрываемого ввиду вступления в силу декрета об отделении школы от церкви, для выработки совместных условий передачи здания. Но оно перешло в собственность городского исполкома<sup>11</sup>. Тогда Кутепов стал направлять прошения председателю Глазовского уездного исполкома Н.Я. Шубину. Ответ был положительным: одно из зданий училища предполагалось предоставить в полное распоряжение семинарии с началом 1918-1919 уч. г. Однако в этом здании разместилась Коммуна, хотя (по мнению директора семинарии) она по малочисленности состава могла бы занять одно из помещений, арендуемых семинарией. В октябре педагогический совет семинарии вновь ходатайствовал перед советом народного образования г. Глазова о передаче старого и нового корпусов духовного училища учительской семинарии. Увы, оба ходатайства глазовскими органами советской власти игнорировались. Да и сам директор, видя значительные разрушения зданий духовного училища, изменил тактику.

В декабре 1918 года педсовет за подписью С.М. Кутепова направил ходатайство наркому просвещения А.В. Луначарскому (через губернский отдел народного образования) об отпуске материалов для строительства своего учебного здания. Попутно, не сомневаясь в осуществлении задуманного, директор просил Губнаробраз уполномочить губернского архитектора разработать проект

---

<sup>11</sup> 26 июня 1918 г. члены Глазовского исполкома М.А. Галавкин и С.Я. Шубин в присутствии представителей духовного училища М.Ф. Зосимовского, И.М. Тихомирова и В.В. Яхонтова приняли имущество, принадлежавшее училищу (стулья, столы, кровати, лампочки, одеяла, матрасы и др.).

здания и смету на его сооружение. Доводы в пользу строительства собственного помещения были более чем убедительны: во-первых, «в распоряжении семинарии имеется участок земли в пять десятин, на котором с удобством можно разбить плодовые, ягодные и древесные питомники, показательные и опытные огороды и пасеку, построить площадки для физических упражнений», во-вторых, размещение в трех зданиях «задерживает правильное функционирование разносторонней деятельности семинарии», в третьих, арендуемые здания «настолько тесны, антигигиеничны, что учащие и учащиеся положительно задыхаются». Проживая в с. Парзи во время вынужденной эвакуации, семинария готовилась к возвращению в город, и директор подыскивал подходящее помещение. Поскольку все ранее арендуемые здания были заняты, он написал 1 марта 1919 года в Вятский отдел народного образования новое прошение. В нем снова содержалась просьба ускорить строительство учебного здания или выделить помещение для учебных занятий. Судя по всему, советская власть не сумела ему помочь по причине активных военных событий на севере Удмуртии.

Более того, в арендуемых семинарией зданиях (в домах Чирковой и Морозова по Кругло-Чепецкой улице, а также «в одной из комнат городского общественного дома против дома Бородина по Платуновской улице», отведенной под канцелярию), разместились воинские подразделения Красной Армии. Сохранившиеся архивные документы свидетельствуют, как трудно было Кутепову в этот момент сохранить преподавательские кадры, учеников и имущество учебного заведения. Дело в том, что канцелярские принадлежности, ученическую мебель, хозяйственный инвентарь и даже библиотеку с имеющимся в ней фондом реквизирует военно-полевой контроль при штабе 3-й армии Восточного фронта. Неоднократные обращения педагогического совета с просьбой не портить имущество понимания не находили. Приходилось решать дела, далекие от профессиональных забот. Например, как быть с конским хомутом, принадлежавшем «на коммунистических началах» сотруднику Управления Инспартарм 3 армии Восточного фронта В.В. Яхонтову, его брату и дяде. Конский хомут требовался для эвакуации семинарии, а Яхонтов требовал срочно вернуть его, угрожая революционным судом и грозясь «взыскать с тов. С.М. Кутепова минимальные убытки – из расчета по 15 руб. в сутки за время содержания моей лошади без хомута в течение целого месяца». Истец ссылаясь при этом на постановление военно-революционного совета о том, что имущество красноармейца не подлежит ни конфискации, ни реквизиции, ни контрибуции. В контексте данного документа становится понятно, что жизнь семинарии была сложной не только в педагогическом, но и материально-бытовом плане. Не хватало столов, стульев, ученических досок (их красноармейцы приспособили под нары). К моменту возвращения из эвакуации семинария осталась без помещений, конской упряжи, экипажей, даже лошадь, принадлежавшая семинарии, оказалась в распоряжении комитета комсомола семинарии, директор или другие педагоги и служащие в случае надобности могли пользоваться ею только по разрешению дежурного члена комитета.

Созданные на базе семинарии педагогические курсы были размещены в нескольких зданиях. Учебные классы помещались в трехэтажном каменном доме Тимофеева на углу Преображенской и Соборной улиц. Под общежитие был отведен нижний этаж двухэтажного деревянного дома Тимофеева на углу Преображенской и Кругло-Вознесенской улиц. Для канцелярии было нанято помещение в доме Фронова по ул. Преображенской, № 3.

#### Список использованной литературы и источников:

1. Братухина Э.М. Воспоминания об отце // Поздеев Г.А. Сеять разумное, доброе, вечное... Преподаватели Глазовского государственного педагогического института имени В.Г. Короленко в воспоминаниях, очерках, рассказах. Глазов, 2014. С. 28–32.
2. Герасименко Е.Н. Историко-педагогический анализ подготовки учителей начальных классов в России / Режим доступа: [http://superinf.ru/view\\_helpstud.php?id=1006](http://superinf.ru/view_helpstud.php?id=1006).
3. Глазов. Документы и материалы. 1678 – 1989 гг. Ижевск, 1992.
4. Головизнина Н.Л. Аз, буки, веди, глаголь, добро (История Вятской школы. 1721 – 1917) // Энциклопедия земли Вятской. В 10 т. / сост. С.П. Кокурина. Т. 9. Культура. Искусство. Киров, 1996.
5. Волкова Л.А. «О, Боже! Помоги нам обрести достоинство»: В.Д. Крылов как общественный деятель // Церковь в истории и культуре России: сборник материалов Междунар. научн. конф. Киров (Вятка), 22–23 октября 2010 года. – Киров, 2010. С. 123–124.
6. Волкова Л.А. Глазовская учительская семинария: тревожные дни в эвакуации // Гражданская война на территории Удмуртии: материалы межрегиональной научно-практической конференции (г. Глазов, 6 декабря 2013 г.): сб. статей. Глазов: ГГПИ, 2014. С. 66–70.
7. Волкова Л.А. Глазовская учительская семинария в контексте реформ российской школы // Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием «Девятые Есиповские чтения» / под ред. Я.А. Чиговской-Назаровой. Глазов: Глазов. гос. пед. ин-т, 2015. С. 47 – 55.
8. Волкова Л.А., Першина Я.С. Образовательная политика Временного правительства (на примере Глазовской учительской семинарии) // Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием «Девятые Есиповские чтения» / под ред. Я.А. Чиговской-Назаровой. Глазов: Глазов. гос. пед. ин-т, 2015. С. 43 – 46.
9. Высшее педагогическое образование в Глазове / Сост. В.В. Беляев, В.А. Сыркин. Глазов, 1999.
10. Галавкин Михаил Алексеевич // Сведения ДКНБ РК по Восточно-Казахстанской обл. / Режим доступа: <http://lists.memo.ru/d8/f18.htm>; см. также: <http://ru.calameo.com/books/002950357f1a11fbc603>

11. Иванов А.Н. На страже здоровья людей. В 2015 году Селтинской больнице исполняется 120 лет со дня основания // «Октябрь». 19 июля 2015 г., № 45 / Режим доступа: <http://oktyabrrel.ru>
12. История становления педагогических учебных заведений в Удмуртии / Автор-сост. Г.А. Поздеев. Глазов, 2006. 100 с.
13. Канашский педагогический колледж. Режим доступа: <http://www.ros-vel.ru/?p=1237820011> Дата обращения: 20. 02. 2015.
14. Кочин Г.А. Православный Глазов в эпоху двоевластия 1917 года Режим доступа:// [http://gasur.ru/activity/publications/pub\\_arh/2013/06.php](http://gasur.ru/activity/publications/pub_arh/2013/06.php).
15. Матвеев Тимофей Матвеевич // Чувашская энциклопедия / Режим доступа: <http://enc.cap.ru/?t=prsn&lnk=2093>
16. Однодневная перепись начальных школ в Российской империи. Вып. ½. СПб., 1913.
17. Павлов Н.П. Самоопределение, автономия: идеи, реалии. Ижевск: Удмуртия, 2000. 224 с.
18. Поздеев Г.А. Как все начиналось // Педагогическое образование в Удмуртской республике: история, проблемы, перспективы: Материалы региональной научно-практической конференции, посвященной 130-летию образования в Удмуртии. Глазов: Издательство Глазов. гос. пед. ин-та, 2006. С. 134 – 147.
19. Работы К.Д. Ушинского по педагогике и образованию. Проект учительской семинарии, 1861. Режим доступа: <http://www.biografia.ru/arhiv/102.html>
20. Справочник по административно-территориальному делению Удмуртии. 1917 – 1991 гг. Ижевск: Удмуртия, 1995. 744 с.
21. Удмуртия в период иностранной военной интервенции и Гражданской войны. Сборник документов. Часть II (март 1919 г. – декабрь 1920 г.). Ижевск, 1963.
22. Удмуртия в период Первой мировой войны. 1914 – 1918: Сборник документов. Ижевск, 2006. 300 с.
23. Управление по делам архивов администрации МО «Город Сарапул». Ф. 245, оп. 1, д. 3879. Сарапульское духовное управление; Там же. Ф. 17, оп. 1, д. 388. Благодичный Сарапульского городского благочиния Вятской епархии.
24. ЦГА УР. Ф. 121 Глазовская учительская семинария, оп. 1, д. 1. Журнал проступков учащихся 2-го класса семинарии. 1916 – 1918 гг.; Там же, д. 2. Смета расходов на 1918 г. и отчет о состоянии семинарии за 1916 – 1917 гг.; Там же, д. 3. Циркуляр Департамента народного просвещения о пересмотре программы по предметам на 1917 – 1918 уч. г.; Там же, д. 6. Журналы заседаний Глазовского уездного земского собрания о введении преподавании вятского языка в учебных заведениях г. Глазова; Там же, 7. Журнал Глазовской городской думы о строительстве здания семинарии; Там же, д. 12. Переписка с канцелярией Казанского учебного округа и договор с мещанкой Чирковой об аренде дома для семинарии; Там же, д. 34. Заявления о предоставлении должностей народных учителей, переписка с Вятским губернским отделом народного образования об утверждении состава педсовета, сведения о должностных лицах Глазовской учительской семинарии с указанием занимаемой должности; Там же, д. 35. Материалы об эвакуации учительской семинарии; Там же, д. 37. Материалы о передаче здания и имущества духовного училища в ведение Совета народного образования г. Глазова; Там же, д. 56. Переписка с Вятским губернским отделом народного образования по личному составу, список учителей семинарии; Там же, д. 64. Дело преподавателя Глазовской учительской семинарии Т.М. Матвеева, Личное дело А.Е. Машковцева; Там же, д. 65. Дело учительницы начального при Глазовской учительской семинарии училища М.Н. Огневой.
25. Юскина С. В. Благотворительная деятельность учебных заведений Сарапульского и Глазовского уездов в 1915 – 1917 гг. (по материалам Казанского учебного округа) // Материальная и духовная культура народов Урала и Поволжья: История и современность: Материалы межрегиональной научно-практической конференции / Глазов. гос. пед. ин-т. Глазов, 2005. С. 202 – 204.
26. Удмуртская Республика. Энциклопедия. Ижевск: Удмуртия, 2000. 800 с.



***ГРУППА ВОСПИТАННИКОВ ГЛАЗОВСКОЙ УЧИТЕЛЬСКОЙ СЕМИНАРИИ - УДМУРТЫ.***

В центре - законоучитель св. Виталий Алексеевич Татауров.

Снимок 1916 года.  
Вятская губерния, г. Глазов.



## НАСТАВНИКИ

Е.В. Лихачева

### **КРЫЛОВ ВАСИЛИЙ ДМИТРИЕВИЧ (1878-1919).**

*Просветитель, миссионер, учитель, языковед, журналист, общественный деятель.*

Родился 2 февраля 1877 в селе Урясь-Учи Мамадышского уезда Казанской Епархии в семье дьякона. В 1896 году окончил Казанскую учительскую семинарию, работал в удмуртских школах Елабужского уезда (дд. Старая Салья, Нынек, Асаново).

В 1904-1906 гг. – дьякон Богоявленской церкви с. Кыйлуд (ныне - Нылга-Вамья) Сарапульского уезда. В 1906-1909 гг. – иерей с. Тортым Глазовского уезда, окружной противоязыческий миссионер в Глазове. В 1909-1916 гг. – возглавлял Вятскую губернскую переводческую комиссию при Православном миссионерском обществе.

В 1917 году – редактор общественно-политической газеты на удмуртском языке «Удмурт» (г. Вятка), соредaktor газеты «Виль синь» (г. Елабуга).

В этом же году был назначен председателем культурно-просветительского общества удмуртов в Глазове. Совместно с И.Я. Поздеевым, представителем от уездного филиала Учительского союза принял участие в I съезде малых народностей Поволжья (г. Казань, 1917 г.). Опираясь на решения съезда, обратился с заявлениями о принятии на службу в учительскую семинарию и женскую гимназию г. Глазова в качестве преподавателя удмуртского языка. Заявления были удовлетворены, и с ноября 1917 года в программу данных учебных заведений был введен новый предмет - удмуртский язык, обязательный для семинаристов-удмуртов.

Автор «Вотско-русского словаря Глазовского наречия вотяков» (1919 г.), содержащего 3450 словарных статей, отражающих лексические, морфологические и некоторые фонетические особенности глазовского наречия удмуртского языка.

Делегат I Всероссийского съезда удмуртов (г. Елабуга, 1918 г.).

#### **Источники:**

1. Волкова Л.А. Священник Василий Крылов: «О, Боже! Помоги нам обрести достоинство!» // Церковь в истории и культуре России: сборник материалов международной научной конференции (г. Киров (Вятка), 22-23 октября 2010 года). Киров, 2010. С. 123-124.
2. Шумилов, Е.Ф. Крылов Василий Дмитриевич / Е.Ф. Шумилов, И.В. Тараканов // Удмуртская Республика: энциклопедия / гл. ред. В.В. Туганаев. – 2-е изд., испр. и доп. – Ижевск, 2008. – С. 422.

### **КУТЕПОВ СЕРГЕЙ МИХАЙЛОВИЧ (?-?)**



*Директор семинарии.*

С 1 июля 1915 года на основании приказа попечителя Казанского учебного округа М.М. Ломиковского С.М. Кутепов был назначен директором Глазовской учительской семинарии.

Ранее работал в системе школьного образования Елабужского уезда.

С 1919 года, после закрытия семинарии - председатель Глазовских педагогических курсов.

#### **Источники:**

1. Высшее педагогическое образование в Глазове./ Сост. В.В. Беляев, В.А. Сыркин. – Глазов, 1999.
2. [Электронный ресурс] – Режим доступа – URL: <https://ru.wikipedia.org>.

## МАРТЫНОВ НИКОЛАЙ АНДРЕЕВИЧ (1868-1941)



Родился 8 сентября 1868 года в г. Котельнич Вятской губернии в семье коллежского ассесора.

В 1895 году окончил медицинский факультет императорского Казанского университета. С 1897 г. врач Лудянского участка, приемного покоя и тифозной больницы Нолинского участка, в 1898-1904 гг. - врач Селтинского участка Малмыжского уезда. В 1906 году врач 3-го участка Вятского уезда (с. Филиппово).

Один из организаторов здравоохранения в Глазове. В 1906-1941 гг. - земский врач, заместитель терапевтическим отделением Глазовской уездной больницы, главный врач Глазовской центральной районной больницы. В годы Первой Мировой войны (1914-1917 гг.) - заведующий первым Глазовским земским

госпиталем.

В 1915-1919 гг. был наставником Глазовской учительской семинарии, преподавал гигиену, отвечал за состояние здоровья семинаристов.

Первому в Удмуртии было присвоено звание «Заслуженный врач РСФСР» (1940 г.).

Умер в г. Глазове.



**ГРУППА РАНЕННЫХ В ГОСПИТАЛЕ.**

*Н.А. Мартынов сидит второй слева.*

*Снимок 1914-1917 гг.  
Вятская губерния, г. Глазов.*

### Источники:

1. Два века добрых дел. – Глазов, 2011.
2. Глазовский краеведческий музей. - Ф.Р - 14, оп. 1.д. 1).
3. Золотарева Е.А. Госпитали уездного Глазова в годы Первой мировой войны// Из прошлого в настоящее: вехи истории Глазовского района: Сборник материалов XIII научно-практической конференции. Глазов, 2014 г.
4. Иванов А.Н. На страже здоровья людей. В 2015 году Селтинской больнице исполняется 120 лет со дня основания// «Октябрь». 19 июля 2015 г., № 45. – С. 2./ . [Электронный ресурс] - Режим доступа – URL: <http://oktyabrrel.ru>.
5. Удмуртская Республика: Энциклопедия. – Изд. 2-е, исправленное и дополненное. Ижевск: Издательство «Удмуртия», 2008. – С.246.

**МАТВЕЕВ ТИМОФЕЙ МАТВЕЕВИЧ (1884-1938)**

*Языковед, ученый.*

Родился 25 января 1884 года в селе Трехбалтаево Буинского уезда Симбирской губернии (Шемуршинский район Чувашской АССР).

В 1903 году окончил Симбирскую учительскую школу, в 1903-1905 гг. работал учителем двухклассного училища в с. Большие Арабузи Буинского уезда (ныне - с. Первомайское Батыревского р.).

В 1908 году окончил Симбирскую духовную семинарию, в 1915 году - историко-филологический факультет Казанского учительского института.

В Глазовской учительской семинарии работал в 1915-1918 гг. наставником русского и церковно-славянского языков.

В 1918-1925 гг. – директор Шихранской учительской семинарии (ныне - Республика Чувашия, Канашский педагогический колледж).

В 1925-1928 гг. учился по приглашению Н.Я. Марра в аспирантуре Яфетического института АН СССР (г. Ленинград), участвовал в экспедициях по изучению чувашских диалектов. Результаты своих изысканий опубликовал в «Кратком обзоре чувашских диалектов» (Яфетический сборник, 6, 1930). После окончания аспирантуры, работал преподавателем родного языка на чувашском рабфаке, читал курсы по общему языкознанию и диалектологии чувашского языка в педагогическом и сельскохозяйственном институтах.

В 1928-1936 гг. одновременно преподавал в Научно-исследовательском институте языка, литературы и истории и Чувашском государственном педагогическом институте.

Автор книги «Грамматика чувашского языка. Морфология (Учение о формах)» (г. Симбирск, 1919 г.), в которой в описании фонетики чувашского языка впервые применён фонологический принцип и установлено число фонем. В сотрудничестве с Ф.Т. Тимофеевым подготовил первые школьные учебники по чувашскому языку для 5 и 6–7 классов (1933-1934 гг.). Один из редакторов «Словаря чувашского языка» профессора Н.И. Ашмарина.

В 1936 был обвинён в национализме, репрессирован.

Умер 10 марта 1939 года в Соликамском лагере ГУЛАГа.

Реабилитирован в 1956 году.

**Источники:**

1. Чувашская энциклопедия: Справочно-энциклопедическое издание. – Чувашское книжное издательство, 2006-2011.
2. Канашский педагогический колледж. [Электронный ресурс] – Режим доступа – URL: <http://www.ros-vel.ru>.

## ХОРОШАВИН НИКОЛАЙ ВЛАДИМИРОВИЧ (1879 - 1947).



*Заслуженный учитель РСФСР (1941 г.)*

Автобиография.

«Родился в 1879 г. Отец - мелкий служащий в Вятском отделе государственного банка. На пенсии (7 руб.) переехал в Котельнич. Из трех детей меня отдал по окончании начальной школы на воспитание тетке. Та определила в духовное училище. Через 2 года отец увез в Вятку в земское реальное училище. Освобождение от платы (25 руб. в год) за учение. С 13-14 летнего возраста брал переписку, давал частные уроки, освоил ремесло часовщика-самоучки. К окончанию реального училища скопил 100 руб. и в 1898 г. уехал в Харьков - на химическое отделение технологического института. С весны 1899 г. - студенческие волнения, забастовки.

В 1904-1905 уч.г. был на 3-м курсе. В январе 1905 г. после новой волны забастовки все учебные заведения России ввиду военного времени (война с Японией) были закрыты до осени ... Уехал домой, вернуться на учебу ич-за материальных затруднений не смог... 1,5 года работал на строительстве Вологда-Вятская ж/д.



### **КОЛЛЕКТИВ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ ГЛАЗОВСКОГО ПЕДАГОГИЧЕСКОГО УЧИЛИЩА.**

*В первом ряду слева направо: 1 – Федор Петрович Щинов, преподаватель математики;*

*2 – Н.В. Хорошавин, преподаватель математики; 3 – Алексей Константинович Поздеев, преподаватель истории;*

*4 - Иван Васильевич Кушев, директор педучилища; 6 – Федор Иванович Волков преподаватель биологии;*

*8 – Александр Аркадьевич Горбушин, преподаватель химии.*

*Во втором ряду слева направо: 3 - Михаил Георгиевич Романов, преподаватель рус. языка и лит-ры;*

*8 - Дмитрий Иванович Созонов, зав. кафедрой марксизма-ленинизма.*

*В третьем ряду крайняя справа Анисья Михайловна Широбокова, преподаватель педагогики.*

*Снимок 1938 года.*

*УАССР, г. Глазов, перед зданием  
училища (ул. Революции, 17).*

В январе 1907 г. поступил учиться в Котельничское городское училище. С осени 1907 г. преподавал историю в старших классах Котельничской женской гимназии. В 1909 г. - учитель математики и природоведения Котельничской мужской гимназии. В 1914 г. я, как не имевший учительского звания, был переведен в Казанский учительский институт учителем образцового городского училища с тем, чтобы сдать экстерном испытание за институт. По сдаче испытания определен в 1915 г. преподавателем математики в Глазовскую учительскую семинарию, в организации и оборудовании которой пришлось мне принять деятельное участие.

В 1919 г. ... Парзинская ферма... вернулся с семинарией в преобразованный в постоянные педкурсы. Педкурсы претерпели ряд преобразований: педгородок, институт народного образования, педтехникум, педучилище.

Общий педстаж 40 лет. С 1923 г. в педтехникуме - уроки химии в соответствии с специальностью по технологическому институту».

**Источник:**

Глазовский краеведческий музей - Ф.Р-23, оп.1, д.1.

## ВЫПУСКНИКИ СЕМИНАРИИ

Е.В. Лихачева

### **ВОРОНЧИХИН СЕМЕН ИВАНОВИЧ (1902-1982)**



*Хирург, доктор медицинских наук, заслуженный врач РСФСР (1941 г.), УАССР, заслуженный деятель науки Удмуртской АССР (1945 г.).*

Родился 2 августа 1902 года в селе Ягошур Глазовского уезда Вятской губернии в крестьянской семье.

В 1913 году окончил Ушурское начальное народное училище, в 1915 году – с отличием Ягошурское двухклассное училище.

В 1916-1920 гг. учился в *Глазовской учительской семинарии*.

В 1920-1921 гг. – учитель школы I ступени с. Нововолково Балезинской волости Вотской Автономной области.

В 1922 году начал обучение на медицинском факультете Ярославского государственного университета. После закрытия университета, доучивался на медицинском факультете Томского университета.

В 1926 году поступил на работу ординатором хирургического кабинета Ижевской амбулатории, в 1927 году перешел в хирургический стационар, в котором проработал до 1935 года.

В 1928-1929 гг. проходил службу в Красной Армии врачом в Свердловском военном госпитале.

В 1930 году прошел курсы усовершенствования врачей (г. Ленинград), в этом же году был назначен главным врачом Ижевской городской больницы.

В 1935-1936 гг. - ассистент кафедры оперативной хирургии Ижевского государственного медицинского института (ИГМИ), с 1936 года – ассистент кафедры факультетской хирургии.

В 1939 году под руководством профессора А.В. Вишневого (г. Казань) защитил кандидатскую диссертацию на тему «Оперативный метод лечения больных прободной язвой под местной анестезией».

22 июня 1941 года был назначен главным хирургом эвакуационных госпиталей Наркомздрава Удмуртской АССР. В условиях военного времени первым успешно провел операцию по удалению металлического осколка из мышцы сердца раненого, который впоследствии полностью поправился. Без смертельного исхода под его руководством проводились многочисленные операции по удалению осколков и пуль из легких раненых. Предложил в качестве местного лечения при ранениях брюшной полости использовать живицу хвойных деревьев. Выезжая в районы и города республики, обучал врачей госпиталей диагностике, выполнению хирургических операций, консультировал, проводил научно-практические конференции по военно-полевой хирургии.



**ВО ВРЕМЯ ОПЕРАЦИИ  
В ЭВАКОГОСПИТАЛЕ.  
ОПЕРИРУЕТ С.И. ВОРОНЧИХИН.**

*Снимок 1943 года.  
УАССР, г. Ижевск.*

В 1944-1948 гг. - заведующий кафедрой оперативной хирургии ИГМИ.

В 1945 году защитил докторскую диссертацию (г. Москва) на тему применения внутривенного гексеналового наркоза. После войны им также были разработаны принципиально новые методы фиксации переломов и ампутации конечностей, лечения черепно-мозговых травм.

В 1948-1952 гг. - ректор ИГМИ. За это время было выпущено 5 сборников трудов Ижевского мединститута, подготовлено 4 доктора, 17 кандидатов наук. В 1947-1954 гг. руководил республиканским обществом «Знание», был председателем общества хирургов Удмуртии, членом правления общества хирургов РСФСР и СССР, членом правления общества травматологов и ортопедов СССР, членом редакционной коллегии журнала «Хирургия».

В 1952-1975 гг. - заведующий кафедрой факультетской хирургии.

Автор более 130 научных работ, 22 рацпредложений, автобиографической книги «50 лет за операционным столом».

Избирался депутатом Верховного Совета СССР (1946 г., 1950 г., 1954 г.), Председателем Президиума Верховного Совета Удмуртской АССР (1959-1963 гг.).

Награжден орденом Ленина, тремя орденами Трудового Красного Знамени, орденом «Знак Почета», нагрудным знаком «Отличник здравоохранения» (1946 г.).

15 июня 2012 года в поселке Балезино состоялось открытие мемориальной доски в честь С.И. Ворончихина. Доска закреплена на стене центральной районной больницы.

Умер 5 августа 1982 года в Ижевске.



**ЦЕРЕМОНИЯ ТОРЖЕСТВЕННОГО ОТКРЫТИЯ  
МЕМОРИАЛЬНОЙ ДОСКИ В ЧЕСТЬ С.И. ВОРОНЧИХИНА.**

***А.В. Соловьев, Председатель Государственного Совета УР  
стоит третий слева.***

*Снимок сделан 15 июня 2012 года.  
УР, п. Балезино.*

Источник: [Электронный ресурс] - Режим доступа –  
URL: [http:// vpered-balezino.ru](http://vpered-balezino.ru)

**Источники:**

1. Ворончихин С.И. Полвека за операционным столом (записки хирурга)/ Литературная запись К.И. Куликова.- Ижевск: Удмуртия, 1981.
2. Деловой квадрат № 6 (105), июнь. 2014/Ж. Ситникова. Они сражались за родину.
3. Избранные страницы истории хирургической школы Удмуртии. – Ижевск, 2010. - С.35-38.
4. Удмуртская Республика: Энциклопедия. - Изд. 2-е. исправленное и дополненное. Ижевск: Издательство «Удмуртия», 2008. - С.246. - [Электронный ресурс] - Режим доступа – URL: [http:// www.iz-article.ru](http://www.iz-article.ru).

## МАКСИМОВ ВАСИЛИЙ АНДРИЯНОВИЧ (1899-1971)



*Удмуртский советский поэт, публицист.*

Родился 27 декабря 1899 года в деревне Адам Глазовского уезда Вятской губернии в семье крестьянина. Грамоте выучился в родной деревне, позднее окончил Глазовское городское училище. Был одним из первых воспитанников *Глазовской учительской семинарии*. Стипендия была маленькой, поэтому учащиеся семинарии были вынуждены подрабатывать. Василий Максимов зарабатывал дополнительные деньги на железной дороге. Учащимися семинарии был создан кружок «Самопомощь», который занимался закупкой продуктов для столовой. Члены кружка занимались не только хозяйственными делами, они читали и тщательно изучали подпольную литературу. «Самопомощь» сыграла немаловажную роль в создании молодежной революционной организации. В 1918 году В. Максимов становится членом РКСМ, а в 1920 году – членом ВКП(б).

По окончании семинарии работал переводчиком в уездном исполнительном комитете. С марта по июнь 1919 года в городе Вятке организовал и выпускал для красноармейцев-удмуртов еженедельную газету «Югыт сюрес». После окончания боевых действий руководил Глазовским и Можгинским уездными отделами народного образования. В 1922 году участвовал в ликвидации бандитизма в Уфимской губернии. Военную карьеру закончил начальником политического секретариата Удмуртского областного военного комиссариата. Заведовал агитационно-пропагандистским отделом Удмуртского областного комитета ВКП(б). В 1926 году участвовал в создании первого литературно-художественного журнала Удмуртии «Кенеш», был его первым редактором. В 1931 году принимал непосредственное участие в организации Удмуртского научно-исследовательского института (г. Ижевск).

В 1930-1932 гг. был слушателем Института красной профессуры, в 1935 году прошел стажировку в Академии наук СССР. В годы учебы и стажировки стал одним из инициаторов борьбы с так называемой «гердовщиной» - «антисоветским течением» в удмуртской литературе.

Во второй половине 1930-х гг. работал директором Благовещенского педагогического института, но был исключен из членов ВКП (б) и одновременно снят с должности. В последующие годы почти ежегодно менял место жительства. Работал рядовым сотрудником в музеях Хабаровска, Лихославля, Звенигорода.

Перед началом Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. работал в Алтайском пединституте. В 1939 году был избран деканом исторического факультета, а в ноябре 1940 года - членом Ученого Совета института. В октябре 1941 года В.А. Максимов в числе других преподавателей и сотрудников проходил обучение военному делу по 110 часовой программе. В этом же году он был переведен на должность и.о. заместителя доцента, а позднее – и.о. директора по учебной и научной части, однако уже 22 апреля 1941 года был освобожден от занимаемой должности по личной просьбе.

Наряду с учебной и научной работой вместе с другими сотрудниками института участвовал на заготовке дров, уборке урожая в колхозе «Социализм». После окончания отпуска ввиду отсутствия нагрузки с 1 сентября 1942 года был освобожден от работы.

В 1943-1944 гг. воевал на фронтах Великой Отечественной войны. При переправе через Днепр был тяжело ранен. После демобилизации жил в Алтайском крае, работал заведующим кабинетом, директором Института усовершенствования учителей, ассистентом кафедры истории СССР Барнаульского педагогического института, преподавателем Алтайской средней сельскохозяйственной школы.

Стихи и критические статьи, публиковавшиеся в основном в редактируемой им красноармейской удмуртской газете в Вятке под своим именем или под псевдонимом Чоньпи, ныне ни в какие сборники не включены.

Определенную значимость составляют его историко-этнографическая монография-очерк «Вотяки» (Ижевск, 1925 г.) и работа о выдающемся русском исследователе удмуртской истории П.Н. Лупшове «Большой друг удмуртского народа» (Записки УдНИИ. – Ижевск, 1968 г. – Вып. 20). В 1960 году вышел на заслуженный отдых, жил в городе Ижевске.

Умер 26 октября 1971 года.

### **Источники:**

1. Писатели Удмуртии. Библиографический справочник. – Ижевск: Удмуртия, 1989 г. – Стр. 270-271.
2. Писатели и литературоведы Удмуртии: Библиографический справочник / Сост. А.Н. Уваров. - Ижевск, 2006. - Изд. 2-е. расшир. и доп. - С.161.
3. Выписки из приказов 1939-1948 гг. Барнаульского учительского института (Алтайский государственный педагогический университет).
4. Шутова Т.К. Педучилищу – 40 лет. Доклад.



## МОИ РОДИТЕЛИ

Отец - Пономарёв Александр Яковлевич родился 18 февраля 1900 года в деревне Озегвай Глазовского района Удмуртской АССР в семье зажиточного крестьянина. Как я помню по рассказам отца и матери, дед мой Яков Фёдорович Пономарёв (1869-1954) занимался извозом и торговлей, имел исправное хозяйство. Это был трудолюбивый, немногословный, уравновешенный по характеру человек. Бабушка Наталья Тимофеевна была очень строгой в доме. Бойкая, ловкая, работающая, она и другим не давала покоя. Детей у них было пятеро: Александр, Вячеслав, Надежда, Калиста и Ольга. Кроме того, у деда были братья Василий Фёдорович, Савва Фёдорович и Егор Фёдорович. Они жили очень дружно и работали споро. Вся семья состояла из 18 человек. Семейство Пономаревых имело кузницу, крепкие надворные постройки, держали лошадей, коров, мелкий домашний скот. В общем, жили лучше остальных селян. Значит, другие завидовали. А где зависть, там и вражда.



**АЛЕКСАНДР ЯКОВЛЕВИЧ ПОНОМАРЁВ.**

*Снимок сделан в июне 1938 года.*

В 1927 году, несмотря на имевшиеся законы того времени, что семьи сельской интеллигенции не раскулачиваются, дед был раскулачен и сослан в Архангельскую область. Вместе с ним были отправлены жена Наталья Тимофеевна и младший сын Вячеслав. Наталья Тимофеевна умерла в ссылке от тифа. Перед войной Яков Фёдорович вернулся из ссылки в Озегвай надломленный и больной. Мой отец и тётя Оля работали учителями, тётя Калиста была медсестрой (трахоматозной сестрой, так тогда называли). Дядя Вячеслав служил где-то на Украине.

Это событие имело тяжёлые последствия для всей последующей судьбы моего отца. Во всех своих автобиографиях отец писал: «Несмотря на моё чуждое происхождение, я ещё с 1924 года, тотчас после демобилизации из Красной Армии, был допущен на чрезвычайно ответственную работу в качестве учителя в советской школе».

Вдумайтесь, друзья: «Чуждое происхождение!» Какое чёрное клеймо! Сейчас, когда мы всё более входим в общемировое цивилизованное общество, примериваем к себе общечеловеческие ценности, понятие «чуждое происхождение» звучит чудовищно и странно. Во всеобщей декларации прав человека, принятой Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 года, говорится о равенстве всех людей независимо от национальности, расы, социального и иного положения. Эта позиция полностью подтверждена Конституцией Российской Федерации 1993 года. А вот в те годы представители зажиточных кругов и даже интеллигенции считались «чуждыми», классово враждебными элементами и были обречены к уничтожению как враждебный класс.

Отец для того времени имел солидное образование. С 8 лет учился в Озегвайской начальной школе. С 1912 по 1914 год - в Святогорской (позднее село Красногорское) двухклассной миссионерской школе. В 1915 году поступил в открывшуюся и городе Глазове учительскую семинарию и окончил её в 1919 году. Однако с призывом в Красную Армию документ об окончании семинарии получить не удалось, так как семинарию в связи с наступлением Колчака эвакуировали, и многие документы были утеряны. Впоследствии отцу пришлось своё учительское образование подтверждать свидетельскими показаниями.



В Красной Армии он прослужил со 2 июня 1919 года до 2 мая 1924 года. Начав службу рядовым, вернулся из армии в ранге командира прожекторной части. Отец много рассказывал о своей службе, о военных действиях, о приключениях. Всё это не запомнилось. Помню только то, как он рассказывал о своих злоключениях в белогвардейском плену, как ему удалось бежать. С тех пор, если он над чем-то работал и что-то обдумывал, то намеривал своими шагами нашу комнату, ходил из угла в угол. Это у него вошло в привычку, когда в течение нескольких месяцев сидел в заключении у белогвардейцев.

С 1924 по 1932 год отец был учителем и заведующим Тугбулатовской начальной школы Глазовского района. За хорошую постановку соцсоревнования школа в 1924 году была премирована радиоустановкой стоимостью в 120 рублей.

Здесь, в Тугбулатово, отец познакомился с моей будущей матерью Февронией Степановной Невоструевой. Феврония Степановна родилась в бедной крестьянской семье. Её отец Степан Трофимович Невоструев (1877-1918) в период Гражданской войны воевал в рядах Красной Армии против колчаковцев. С фронта вернулся больной и вскоре умер. Мать Матрена Устиновна, Невоструева-Караваева (1875-1952) была богом данной повивальной бабкой (акушеркой), славилась по всей округе. В семье Невоструевых было 8 детей: Татьяна, Мария, Феврония, Семен, Павел, Валентина, Парасковья, Георгий. Матроне Устиновне пришлось одной поднимать детей. В 1934 году по призыву партии, правительства и комсомола Павел, Валентина, Парасковья и Георгий вместе с Матреной Устиновной выехали в Сочи осваивать Кавказ. В те годы там свирепствовала малярия. Был призыв: «Преврати Кавказ в курортную зону страны!»

Рассказывают, что не заметить Февронию и не видеть её среди других было просто нельзя. Певунья, рукодельница, бойкам на язык. Отец её приметил, влюбился. Но тут не всё просто. По каким-то делам, а скорее всего в связи с заочной учёбой или выездом на курсы повышения квалификации, отец довольно длительное время отсутствовал в Тугбулатово. Приехал как раз в тот момент, когда шла свадьба: мама выходила замуж за другого человека. И вот представьте: отец приходит на свадьбу, подходит к маме и говорит: «Феня, что ты делаешь, ведь я тебя люблю! Пошли со мной!» И увёл её прямо из-за свадебной стола. Отец был очень решительным, смелым и находчивым. Я, к сожалению, его этих качеств не перенял. Но настойчивость и целеустремлённость мне передались.

Отец был и своеобразным альтруистом. Мама как-то рассказывала своей подруге историю, которую я слышал. Когда они переехали в Богатырку, по соседству с ними жила незамужней учительница и очень симпатизировала отцу. Зазывала сама к себе. И вот он говорит матери: «Ты, Феня, пойми, я тебя люблю, от тебя никуда не уйду, тебя не брошу. Но вот тут страдает человек. Надо ему помочь...». Причём это не имело пошлого смысла, пошлого содержания. На самом деле человек нуждается в помощи. Значит, надо помочь.

Об этом свидетельствует и другой факт. В период учебы в Глазовской учительской семинарии отец был активистом организации «Самопомощь». В своих воспоминаниях, ветеран комсомола В. Максимов писал: «В ноябре 1918 года общество «Самопомощь» получило приглашение для своего представителя на первый Вятский губернский съезд работников просвещения. Делегатом выдвинули меня. Я заявил, что от этой чести не отказываюсь, но у меня для поездки нет даже мало-мальски приличного костюма. Тотчас поднялся с места Пономарёв Александр, снял с себя пиджак, передал его мне со словами: «Товарища надо выручить». (*Красное знамя. 1969. 28 октября.*) В этом поступке весь мой отец. Он всегда готов был помочь любому, не только ближнему, всем тем, чем он только мог.

Помню и сам я такой случай. Отец ездил на велосипеде в город Глазов, а между Сыгой, где мы тогда уже жили, и Глазовом было два населённых пункта: Покровка и Ваёбыж. Их разделяла небольшая речка. И вот, когда уже отец возвращался домой, у моста его встретили четыре парня. Потребовали велосипед «покататься». Отец всем «дал по заслугам», сел на велосипед и уехал. Я бы так не смог. Отец не растерялся, не побоялся вступить в драку с численно преобладающими хулиганами.

Н то же время он был очень честным, принципиальным и требовательным. Ученики его очень любили. Да и как не любить школьного учителя. Прекрасный рассказчик, музыкант, самодеятельный художник. Под его руководством работал струнный оркестр, школа была оформлена лозунгами, плакатами, картинами

И в 1932 году отец был переведён в Качкашурскую начальную школу. Здесь роно наметил создать образцовую школу. Отцу удалось воплотить эти планы в жизнь. За образцовую постановку планирования и учёта он был лично премирован деньгами в размере 195 рублей.

Осенью 1933 года переведён заведующим в Нижнебогатырскую начальную школу, а с первого сентября 1934 года – завучем в Сыгинскую неполную среднюю школу, одновременно преподавал географию в 5-7 классах. В Сыге отец с небольшим перерывом проработал вплоть до 2 мая 1942 года,

до ухода на пенсию. Правда, недолго, в течение 1,5 лет он был инспектором Глазовского района, но затем снова вернулся в Сыгу. Сыгинский период я уже помню достаточно хорошо. Но об этом чуть позже.

Когда началась Великая Отечественная война, отец рвался добровольцем на фронт. Но учителям в первое время давали бронь. Зато на них была возложена агитационная, массово-политическая работа среди населения, сбор подарков, тёплых вещей солдатам. Сколько неприятных слов слышал отец от сыгинцев: и «тыловая крыса», и «человек, ищущий в условиях войны лёгкую жизнь», и многое другое. Всё это отец переживал очень сильно. Как он был рад, когда его просьбу, наконец, удовлетворили.

2 мая 1942 года вся школа вышла провожать его на фронт. Удивительное совпадение цифр: 2 мая 1924 года он возвратился с Гражданской войны и 2 мая 1942 года мобилизовался на Великую Отечественную. Поскольку отец в армии уже служил, то его подготовка к фронту была очень краткой. Враг наступал, приближался к Сталинграду. Дивизию отца направили прямо в пекло войны. Шло отступление с огромными потерями. Уже 16 сентября 1942 года при форсировании Дона под селом Урыв Коротоякского района Воронежской области отец погиб.

Светлая тебе память, дорогой папа! Перед тобой и памятью погибших с тобой товарищей низко склоняю свою голову. Сколько полезного, интересного, важного ты мог бы сделать! Но сделал главное. Ты защитил нашу страну от порабощения! Защитил жизнь и честь своей семьи, своих учеников, своих односельчан. Ты дал им возможность жить и работать в независимой стране!

### **Письма А.Я. Пономарева с фронта.**

#### **Письмо № 4**

Здравствуй, Феня!

Сегодня, 15 мая отправили на фронт нашу роту. Всех одели и обули и даже более пожилые стали подтянутыми и молодыми. Меня, и, кроме того человек 15 других красноармейцев, оставили пока в резерве. Меня здесь используют в нужных случаях в канцелярии роты. Будет новый набор мобилизованных.

Не знаю, каких наберут. Мне придется отправляться на фронт уже со следующей партией. Если партию наберут из молодых или необученных, то продержат, возможно, дольше, но обученных отправляют быстро. Дядя известного нам Горбушина Михаила Дмитриевича (из Садовой) - Горбушин Николай Алексеевич заболел малярией и его в день отправки на фронт отправили в Ижевский госпиталь. Таким образом, из моих знакомых в роте никого не осталось. Я на днях хочу подать заявление в кандидаты ВКП(б).

Сейчас самый подходящий момент для меня вступить в партию, чтобы защищать Родину в числе передовых людей трудящихся нашей страны.

Не надо плестись в хвосте. Я уже получил часть обмундирования, а именно - шинель, брюки и гимнастерку пару белья, пилотку и ботинки. Сапоги мои совсем истрепались, но я хожу пока в них же, т.к. ботинки попались очень большие, а малых по моим ногам нет. Шинель новая, ботинки новые, а брюки и гимнастерка - немного ношенные. Обменяют при отправке на фронт.

Живу пока ничего, но работа напряженная. Здоровье хорошее. Нуждаюсь сильно в табаке, а все остальное - терпимо. Старую одежду, кроме сапогов и одной сумки, отправляю всю. Используй для детей или обменяй на что-нибудь, если нуждаешься. Старайся побольше посадить овощей и картофеля.

Осенью вернусь с победой и буду снова обедать с ребятами и с тобой. Я здесь в числе военнослужащих встретил Халевина А.И. - бывшего зам. наркома просвещения и Михайлова - работавшего в РОНО. Халевин сейчас комиссар (работает в политотделе воинской части). Возможно, что они помогут мне вступить в ряды ВКП(б).

Ну, пока всего хорошего. Найду время, снова напишу. Привет дорогим детям: Кале, Жене, Эле. Пусть не скучают и растут до моего приезда.

Адрес: г. Ижевск, Почтовый ящик 87/15 Пономареву А.Я.

Целую тебя. А. Пономарев.

ЦДНИ УР, ф. 4956, оп. 1, д. 578, л.л. 4, 4 об.

### **Письмо № 18.**

Здравствуй, дорогая Феня!

Чтобы не забыть, сразу ставлю число. Пишу тебе письмо 21 августа 1942 года. Нахожусь теперь на южном фронте, недалеко от Воронежа у реки Дона на правом его берегу. В данное время меня из девятой роты перевели во 2 роту автоматчиков. Теперь пишите мне письма пока по следующему адресу: Действующая Армия, почтовая полевая станция № 891, 81 гвардейский стрелковый полк, 2 рота автоматчиков, Пономареву А.Я. Письмо пишу в землянке, недалеко от нас разрываются мины врага. Сейчас на нашем участке фронта мы тесним врага подальше от Дона. Я просил у тебя когда-то денег. Теперь деньги мне не надо.

Кормимся хорошо. Я пока сыт, жив и здоров. Последнее ваше письмо (твое и Калино) получил около 10 августа. Очень рад, что вы пока здоровы и работаете в колхозе. Работающий не погибнет. Я давно не писал только потому, что на фронте трудно найти время и неудобно писать, притом же я потерял все карандаши и их здесь мало. Писать можно очень много, но некогда и в землянке неудобно. Не беспокойся обо мне. Воспитывай детей. Привет всем моим дорогим детям. Молодец, Каля, что он сам себе уже зарабатывает хлеб и сам пишет письма.

Феня, напиши мне еще раз адрес Егора Степановича. Адрес его я потерял. Пиши чаще и больше. Дома все-таки можно писать поудобнее.

Пока до свидания. Привет всем. 21/У111 1942 г.

Ваш муж и любящий отец своих детей. А Пономарев.

ЦДНИ УР, ф. 4956. оп. 1, д. 578, л.л. 27, 28, 28 об.

### **Письмо № 21.**

Здравствуй, Феня!

Я в августе, числа 20 написал тебе открытку и одно письмо, но ты, наверно, не получила эти письма. Это письмо я пишу тебе 3 сентября 1942 года. Затем, в каком-то письме я у тебя просил 150 руб. денег. Денег мне сейчас совсем не надо. Не посылай. Наоборот, я сам тебе послал числа 28 августа 100 рублей накопленной красноармейской зарплаты. Сейчас я нахожусь в Воронежской области на фронте. Меня из девятой роты перевели во вторую роту автоматчиков. На днях получил вместо винтовки автомат. В боях был уже 2 раза. Сейчас находимся километрах в 7-ми от фронта. Питаемся хорошо. Если не хватает красноармейского пайка, то варим картошку. Мы здесь пока гоним врага. Немцы выгоняют мирное население с собой насильно. Деревни остаются пустые. Везде разбросаны вещи, посуда, одежда и т. д. Огороды не убраны. И вот нам разрешили варить то, что осталось в огородах и на полях, потому что иначе все равно это погибнет без уборки. Часть урожая с полей и огородов убирают наши хозяйственные части. Табака дают достаточно, кроме того, сушим в свободное время оставшуюся самосадку. Одним словом, этот месяц август я провожу сытно,

Пока жив, вполне здоров и одет. Погода здесь пока стоит хорошая. Сначала жили в лесу в окопах, а теперь пока живем в деревне в хате. Можно много написать, но всего не напишешь. Я, после перехода во вторую роту автоматчиков, перестал от тебя получать письма. Пиши письма теперь по новому адресу, а именно по такому: Действующая Армия, полевая почтовая станция 891, 81 гвардейский стрелковый полк, 2 рота автоматчиков, Пономареву А.Я. Я потерял адрес Егора Степановича, Напиши в письме этот адрес снова.

Рекомендацию в партию, которую ты получила от Афанасьева, не посылай. Здесь, на фронте, в партию принимают по местным рекомендациям, В самый последний раз я получил от вас 2 письма, одно от тебя, а другое Калино. Очень обрадовался, что Каля сам работает в колхозе и получает паек. Это здорово, он у меня молодец! Вот, рано или поздно разобьем немцев. Я вернусь домой, и заживем снова. Пиши мне подобно о своей жизни, о горе и радостях. Это мне интересно. Не беспокойся, если от меня не скоро получишь следующее письмо. На фронте писать не всегда можно. До свидания. Привет милым и дорогим детям Кале, Жене и Эле. Хочу их видеть, но не могу. Привет учителям.

Ваш муж и отец А.Пономарев.

ОДНИ УР, ф. 4956, оп. 1, д. 578, л.л. 1,3. Зоб. ф. 4956, оп. 1, д.578, л.л. 29, 2.

В десятых числах октября 1942 года с фронта на имя матери пришло еще одно письмо. Политрук А.Ф. Голиков сообщал уважаемой Пономаревой Февронии Степановне о героической гибели ее мужа Пономарева Александра Яковлевича 16 сентября 1942 г. во время боя с немецкими извергами, на правом берегу реки Дон. «Будьте мужественны, - писал политрук, - и достойно перенесите это глубокое ваше горе». Письмо подписано Голиковым 21. 09. 42 г. На почтовом штемпеле письма виднелась дата: 29. 9. 42. Именно эта дата проходит днем гибели отца во всех официальных документах Министерства обороны.

### **Письмо № 22**

Уважаемая товарищ Пономарева Феврония Степановна!

Сообщаем Вам, что ваш дорогой и любимый вами муж Пономарев Александр Яковлевич героически погиб 16 сентября 1942 г. за нашу Родину, за счастливое будущее, во время боев с немецкими извергами на правом берегу реки Дона, беспощадно уничтожая фашистскую мразь. Память о нем всегда будет жить в наших сердцах. Мы будем жестоко мстить за нашего лучшего товарища и освободим нашу землю от немецких оккупантов. Будьте мужественны и достойно перенесите это глубокое ваше горе.

Политрук Голиков А.Ф. 21/9. 42 г. Наш адрес: 891 ППС, 81 гвардейский стрелковый полк, 2 автоматная рота.

Голиков А.Ф. На почтовом штемпеле письма: Полевая почта, 29. 9. 42.

ЦДНИ УР, ф.4956, оп. 1, д. 594 л.л., 3.3 об.

## ХАЛЕВИН АРКАДИЙ АЛЕКСЕЕВИЧ (1899-1973)



*Партийный и советский работник Удмуртской АССР, заслуженный учитель школы УАССР.*

Родился 8 февраля 1899 года в селе Сюмси Малмыжского уезда Вятской губернии в семье русского крестьянина, служившего в полиции.

Окончил Больше-Кильмезское начальное народное училище и высшее начальное училище в с. Старые Зятцы, в 1915-1919 гг. учился в *Глазовской учительской семинарии*.

В апреле 1919 года добровольцем вступил в ряды Красной Армии. Служил рядовым в 256-м Уральском полку 3-й армии, участвовал в боях на Восточном фронте против войск Колчака. Был дважды ранен, лечился в госпитале. После выздоровления работал делопроизводителем в Малмыжском уездном военкомате.

В сентябре 1921 года был командирован на военно-инженерные курсы Сибирского военного округа (г. Кунгур), откуда отозван в ноябре 1922 года в связи с демобилизацией лиц, имеющих педагогическое образование.

В 1923-1925 гг. работал учителем истории, заведующим Старо-Зятцинской школой II ступени, одновременно с основной работой занимал комсомольские и партийные должности.

В 1923-1925 гг. избирался секретарём Старо-Зятцинского волкома ВЛКСМ, в 1925-1929 гг. - Старо-Зятцинского волкома ВКП(б).

В 1929-1930 гг. - заведующий отделом культуры и народного образования Селтинского райисполкома, в 1930-1931 гг. - заведующий отделом культуры и пропаганды Селтинского райкома ВКП(б), в 1931-1934 гг. - секретарь Селтинского райкома ВКП(б), заведующий организационно-инструкторским отделом Можгинского райкома ВКП(б), в 1934-1937 гг. - заместитель Наркома просвещения Удмуртской АССР, в 1937-1939 гг. - начальник управления школ Наркомата просвещения УАССР.



**УЧАСТНИКИ ВСЕРОССИЙСКОГО СОВЕЩАНИЯ ПЕДАГОГОВ,  
НА КОТОРОМ С ДОКЛАДОМ ВЫСТУПИЛА НАДЕЖДА КОНСТАНТИНОВНА КРУПСКАЯ (1869-1939),  
государственный и партийный деятель, теоретик и организатор советской педагогики и системы  
народного образования, доктор педагогических наук (1936 г.), почетный член Академии наук СССР.  
А.А. Халевин в первом ряду крайний справа (лежит).**

*Снимок 1930-х гг. СССР, г. Москва.*

Источник: [Электронный ресурс] – Режим доступа – URL: <http://gasur.mittec.su>

В 1939 году поступил на исторический факультет Удмуртского государственного педагогического института. В 1940 году перешёл на заочное отделение в связи с назначением директором Удмуртского республиканского института усовершенствования учителей.

В августе 1941 года был призван в ряды Красной Армии. Служил старшим инструктором по пропаганде политотдела 18-й запасной стрелковой дивизии Московского военного округа (г. Киров), с октября 1944 года - инструктором политуправления Белорусско-Литовского военного округа (г. Минск). В звании капитана политсостава в августе 1945 года был демобилизован. Награждён медалью «За Победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.».

В 1945-1948 гг. работал в аппарате Удмуртского обкома ВКП(б) инструктором отдела кадров, заведующим сектором кадров сельскохозяйственных и заготовительных органов отдела кадров. В 1946 году был избран секретарём Удмуртского областного совета профсоюзов (облсовпрофа).

В 1951-1953 гг. - заведующий отделом народного образования Ижевского городского совета.

В 1953 году утверждён в должности Уполномоченного Совета по делам Русской православной церкви при Совете Министров СССР по Удмуртской АССР, одновременно с 1955 года избирался секретарём первичной парторганизации Совета Министров УАССР.

Избирался депутатом Ижевского горсовета пяти созывов (1950 г., 1953 г., 1955 г., 1957 г., 1959 г.).

После выхода в 1959 году на заслуженный отдых работал внештатным инструктором Октябрьского районного комитета народного контроля г. Ижевска, являлся персональным пенсионером федеративного (РСФСР) значения.

Награжден орденом «Знак Почёта» (1950 г.), почетными грамотами Президиума Верховного Совета РСФСР (1958 г.), Президиума Верховного Совета УАССР (1957 г.).

Умер 27 июля 1973 года.



#### **Источники:**

1. Образование. Творчество. Личность [Текст]: к 80-летию Ин-та повышения квалификации и переподготовки работников образования Удмурт. Респ. / М-во образования и науки Удмурт. Респ., Ин-т повышения квалификации и переподготовки работников образования Удмурт. Респ.; гл. ред. Т.П. Боталова [и др.]. - Ижевск: Удмуртия, 2014. – С 80.
2. [Электронный ресурс] – Режим доступа – URL: <http://libinfo.org>.

## ОНИ ОСТАВАЛИСЬ КОММУНАРАМИ...

В 1916 году в учительской семинарии была организована группа сочувствующих РСДРП(б). Руководителем группы был Николай Попов. В бюро вошли третьеклассники: Максимов, Халявин, Ившин, Свешников, позднее в него вошли учащиеся второго класса Шанько и Ивонинский. В начале 1917 года группа организовала общество «Самопомощь», которая после февральской революции стала осуществлять руководство практически всей общественно-политической жизнью семинарии. По требованию членов группы было отменено преподавание закона божьего, для семинаристов-удмуртов введено изучение родного языка. В сентябре того же года был устранен месячный перерыв в учебе и старшеклассники отправлены в деревни для ведения агитационной работы среди крестьян.

После первого съезда РКСМ группа создала оргбюро в составе Попова (председатель), Халевина, Максимова, Шанько, Храковской, которое организовало и оформило в декабре 1918 года первую комсомольскую организацию в Глазове.



***В.В. ШАНЬКО**, один из секретарей Глазовского уездного комитета комсомола в 1919-1920 гг.*

*Снимок 1918-1920 гг.*



***А.Л. ХРАКОВСКАЯ**, один из организаторов комсомола в Глазове и Глазовском уезде, делегат II Всероссийского съезда комсомола от Глазовской уездной комсомольской организации.*

*Снимок сделан 9 июня 1918 года.*

И все-таки главным для семинаристов оставалась учеба. Для многих примером являлся Николай Опарин. За три года учебы он не только не пропустил ни одного урока, но не оставил ни одного домашнего задания. Опарин был выходцем из удмуртской крестьянской семьи, мечтавший после окончания учебы работать учителем в деревне, воплотив в себе все то лучшее, что входило в понятие «народный учитель». Одноклассники предрекали ему большое будущее, верили, что из него выйдет не только хороший учитель, но и большой ученый. К сожалению, жизнь его оказалась короткой: он погиб, будучи в рядах красноармейцев на колчаковском фронте.

Семинаристов отличала высокая требовательность к себе, организованность и стремление к учебе. Особое внимание уделяли изучению общеобразовательных предметов и педагогической, профессиональной подготовке.

Вечера и воскресные дни отводились клубным мероприятиям. При сборах в клубе (в зале семинарии) час-два отводилось на коллективное чтение политической литературы, изучение воинских уставов и стрелкового оружия.

Семинаристы с нетерпением ждали конца пятого урока, после которого можно было прийти в столовую. Большинство из них голодало, завтракали стаканом чая и куском ржаного хлеба с солью. Ужин у многих учащихся не отличался от завтрака.

К осени 1918 года, когда продовольственные ресурсы в уезде существенно сократились, снабжение столовой практически прекратилось, потребовались новые формы и методы как обеспечения продовольствием, так и самой организации работы столовой. Раньше за порядком во время обеда наблюдал дежурный учитель. Теперь его уже не было. Хозяином столовой стало общество «Самопомощь».

Каждый семинарист занимал свое место. Дежурные разносили бачки, распределяли содержание в них между учащимися. Многие продукты добывали также сами семинаристы: одни ходили в удпродком с ходатайством об отпуске продуктов, другие - в колбасную мастерскую с просьбой о помощи, третьи - на семинарской лошади выезжали в ближайшие деревни. Были и призывы-обращения к самим семинаристам: «Всем учащимся, имеющим запасы продуктов на квартире, выделить часть в общий



котел». Уже через два часа после собрания и обращения они приносили 10-15 фунтов муки, другие – фунт-два масла, третьи – сало и т.п.



**УЧАЩИЕСЯ ГЛАЗОВСКОЙ  
УЧИТЕЛЬСКОЙ СЕМИНАРИИ,  
ЧЛЕНЫ «ГРУППЫ  
СОЧУВСТВУЮЩИХ РСДРП(Б)»  
И АКТИВНЫЕ ЧЛЕНЫ  
ОБЩЕСТВА «САМОПОМОЩЬ».**

**Слева направо сидят:**

*Василий Свешников,  
Конон Лекомцев, Николай Попов,  
Николай Лекомцев,  
Владимир Максимов.*

**Слева направо стоят:**

*Владимир Попов, Даниил Ившин,  
Аркадий Халевин, Николай Опраин,  
Александр Пономарев.*

*Снимок 1917 года.*

*Вятская губерния, г. Глазов.*

Такая дружба и сплоченность между семинаристами складывалась постепенно. Принципа «Все за одного и один за всех» первоначально придерживались учащиеся лишь старшего класса, но постепенно он стал пронизывать все стороны жизни семинаристов, а всякое отступление от него резко осуждалось.

Учащиеся семинарии и в этих условиях оставались жизнерадостными, короткие часы досуга проводили весело и шумно.

В 1918 году семинария стала смешанной – в старший класс поступила группа девушек, окончивших гимназию. Появление гимназисток вызвало определенную тревогу у преподавателей: «Как бы чего не случилось». Опасения не оправдались. Первоначально девушки от семинаристов держались особняком, но прошло немного времени и все они вступили в общество «Самопомощь», между юношами и девушками установились теплые, здоровые, товарищеские отношения.

Раза два в неделю к концу военных занятий в зале семинарии собирались учащиеся 3-х классов. Дружными аплодисментами они встречали выход военных. Признанным распределителем на вечерах обычно выступал Свешников и, как правило, начинать вечер предлагал с танцев. Шулаков садился за фисгармонию и теперь уже плавно начинали вальсировать юноши с девушками, а не юноши с юношами, как было раньше. Девушки стали для семинаристов учителями танцев. После танцев водили хоровод, в котором главным был Николай Попов. Из-за болезни ноги, он не мог танцевать, но как только начинался хоровод, Николай занимал свое место, а девушки подчеркнуто уделяли ему особое внимание. Когда хоровод останавливался, в его центре оказывался Николай Попов с девушкой, которая предлагала ему что-нибудь рассказать. Красноречием Николай не блистал, но он умел острить, рассказать анекдот. После Попова в центре хоровода оказывался другой семинарист, на долю которого падало исполнение танца.



**Н.Е. ПОПОВ**, один из организаторов комсомола в Глазове и Глазовском уезде.  
*Снимок 1918 года.*

Многие первые выпускники семинарии стали известными руководителями и общественными деятелями. Николай Попов в 1920 году возглавил Глазовскую партийную организацию, Аркадий Халевин работал в органах образования, был первым заместителем министра просвещения республики. Шанько занимал ряд ответственных постов в органах культуры, Василий Максимов возглавляя губернскую уездную секцию в Вятке, был редактором газеты «Югыт сюрес» («Светлый путь»).

**Источник:**

1. Красное знамя. – 29.10.1969.

## СОДЕРЖАНИЕ

**К читателю**.....

**Волкова Л.А.** Глазовская учительская семинария: трудные годы становления.....

### **Наставники**

Крылов В.Д. ....

Кутепов С.М. ....

Мартынов Н.А. ....

Матвеев Т.М. ....

Хорошавин Н.В. ....

**Выпускники семинарии**.....

Ворончихин С.И. ....

Максимов В.А. ....

Пономарев К.А. Мои родители (о Пономареве А.Я.) ....

Халевин А.А. ....

**Г.А. Поздеев.** Они оставались коммунарами.....